

ПАСТЫРЬ

Владимир Александрович Ощепков родился в 1951 году в селе Соколки Белока-тайского района Республики Башкортостан. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Служил в Советской Армии, работал в редакции Белока-тайской районной газеты «Новая жизнь», в аппарате Белока-тайского райкома КПСС, был учителем средней школы и сотрудником администрации Белока-тайского района. Автор-составитель книги «Белока-тайский район: история и современность» и ряда других историко-краеведческих изданий. В журнале «Бельские просторы» (Уфа) публиковались его историко-краеведческие статьи и очерки, рассказы. Лауреат журнала «Бельские просторы» за 2019 год. Живёт в Уфе.

Аудиенция в Гатчине (пролог)

Получивъ 21 Ноября вечеромъ въ субботу, предъ самымъ все-нощнымъ бдѣніемъ, повѣстку о назначеніи мнѣ времени срока для представленія предъ царскія очи, я смутился духомъ, не буду-чи знакомъ съ придворнымъ эти-кетомъ, а спрашивать другихъ стыдился. Но кривую стрѣлу самъ Богъ править.

Написав первые строки пись-ма, пожилой человек в священ-ническом облачении отложил перо и задумался. И было о чём. И было от чего «смутиться ду-хом...»

В его 69 лет он, преосвящен-ный Дионисий, епископ Уфим-ский и Мензелинский, в миру Димитрий Васильевич Хитров, впервые был приглашён на по-добную аудиенцию — к импе-ратору Александру III. На ней государь о чём-то спросит его, и надо будет ответить. О чём же? Если о нынешней службе в

Уфимской епархии, то здесь, за краткостью срока пребывания, событий пока немного, и все они в памяти.

Указ Святейшего синода от 16 декабря 1883 года, высочайше утверждённый его императорским величеством, о перемещении епископа Уфимского Никанора на Херсонскую архиерейскую кафедру и епископа Якутского Дионисия — на кафедру епархии Уфимской стал известен тому лишь 7 февраля 1884 года. Сборы были недолгими: 9 февраля, прямо из собора по окончании литургии, Дионисий покинул Якутск. 24 февраля прибыл в Иркутск, а 23 марта — в Уфу.

Сейчас же шёл декабрь 1887 года, епископ находился в Петербурге, куда был вызван в начале августа для участия в работе Синода. «Да, действительно кривую стрелу сам Бог правит», — подумал Дионисий, снова взявшись за перо и продолжив письмо к членам Уфимской консистории:

«23 ноября вечером в субботу, по случаю престольного праздника в Александро-Невской лавре, митрополит Исидор всех членов Святейшего синода пригласил на молебен, а потом и на обед. Митрополит Московский и архиепископ Варшавский спрашивают меня:

— А что, Вы получили повестку явиться к государю?

— Получил, — говорю.

— Ну, так мы все трое займём в вагоне особое отделение и поедем вместе.

Такому совместному путешествию я несказанно обрадовался, так как они много раз уже представлялись государю и знают все порядки. Условились, какие надеть рясы, уговорились, в какое время приехать на вокзал и т. п. И вот 25 ноября в 10 с половиною часа утра прибыли мы на вокзал Варшавской железной дороги и отправились в Гатчину».

...А память вновь возвращала его в далёкую, но незабытую Якутию, Чукотскую миссию и Колымский округ, где он служил ни много ни мало 43 года. Да разве можно это забыть? Эти страшные и опасные поездки по ледяному краю, где солнце в зимнее время около двух месяцев не является на горизонте, а в летнее время столько же времени не заходит. В первом случае невозможно при постоянной темноте предпринять дальнейшее путешествие, а во втором — невыносимый жар от солнца, накаливая землю и воздух целые два месяца, доводит путника до крайнего изнеможения. К тому же беспредельные пространства тающих болот и грязей, над которыми тучами кишат комары, оводы и другие насекомые, а также проливные дожди, наводняющие ручьи и речки, опаснее и страшнее для путника, чем зимние жестокие морозы. Впрочем, и летом, и зимой в этих краях много случаев неожиданных смертей.

Он и его спутники сами несколько раз были на краю неминуемой гибели. Когда внезапно,

как это обычно бывает, на половине пути вдруг поднимается пурга и час от часу усиливается. И спасти путников, кажется, может только чудо. Когда однажды на Лене свирепеющие волны начинают заливать шитик, а ветер, обратившийся в бурю, гонит его по реке и не даёт пристать к берегу... Когда в поездке по отдалённым местностям Якутской епархии приходится в первую дорогу провести на снегу 14 ночей, да на обратном пути 12, а вдобавок ко всему перенести ещё и купание в мартовской наледи вместе с нартой и оленями... Когда однажды, ночуя под пологом из оленьей кожи, для теплоты засыпанным снегом, он чуть не задыхается от недостатка чистого воздуха...

И следствие этих путешествий — постоянные удручающие ревматические боли в ногах. Но вновь и вновь священник походных Николаевской и Благовещенской церквей отправлялся в путь, выполняя миссионерскую задачу утверждения истинных правил веры и христианской нравственности между русскими, живущими в Якутской области, и крестившимися якутами, а также просвещения нехристиан. За год, бывало, он совершал путь более чем в 10 000 вёрст! И на лошадях, и на оленях, и на собачьих упряжках, а зачастую и пешком... Наряду с миссионерским делом шло изучение местных нравов и обычаев, образа жизни и, в особенности, разных инородческих языков.

...Поезд прибыл в Гатчину ровно через час. На вокзале каждого пассажира ожидала придворная карета с гайдуками и кучерами. Когда подъехали ко дворцу, священнослужителей под руки высадили из карет и ввели предварительно в уборные комнаты, где они приочистились, пригладились и причесались.

За 10 минут до 12 часов всех пригласили наверх, в приёмный зал, где было уже множество генералов военных и статских, с синими и красными лентами и со звёздами на груди. В 12 часов прогремела пушка, и тотчас митрополита Московского пригласили в кабинет к государю. Пробыл он там минут 10, а выйдя, сказал недавним попутчикам, что сегодня или завтра едет в Москву, где 28 ноября будет открытие памятника по случаю 10-летия взятия Плевны.

Пригласили в кабинет преосвященного Леонтия; он тоже недолго пробыл там. Дошла очередь до епископа Дионисия. Камер-лакей отворил дверь в кабинет.

Александр III стоял посреди кабинета. Визитёр вошёл и поклонился, сделал два шага вперёд, снова поклонился и сказал:

— Вашему императорскому величеству имею счастье представиться: Дионисий, епископ Уфимский.

Государь подал руку, и они взаимно друг у друга поцеловали руки.

— Первый раз в Петербурге? — спросил хозяин кабинета.

— Бывал ранее, в 50-х годах.

— Где прежде служили?

— В Якутске.

— И долго?

— С 1841 по 1884 год.

— В самом Якутске?

— В Якутске числилась только моя резиденция, а я почти постоянно странствовал по пустыням, отыскивая бродячих инородцев для проповеди им слова Божия и для исправления у них христианских треб.

— А в Охотске и на Охотском море были?

— Не был и Охотского моря не видал, хотя Охотск и недалеко от Якутска.

— Почему же вы не были в нём?

— Потому что он принадлежит Камчатской епархии.

— А сколько вёрст от Якутска до Охотска?

— 1100 вёрст.

— И это, по-вашему, недалеко?

— Да там сотенные пространства за ничто считаются, и уже с тысячи начинают счёт.

— А на Ледовитом море были?

— Был, и много раз.

— И где же?

— По всему берегу Ледовитого моря от устья реки Колымы до устья реки Оленёка, туда и обратно проехал более пяти раз.

— А обширная ли Якутская область пространством?

— Если отделить губернии Архангельскую и Вологодскую, то Якутская область будет обширнее всех прочих губерний, совокупно взятых...

— А много ли в ней жителей?

— Русских и инородцев всех племён обоего пола насчитывается до 245 тысяч душ. Поэтому там церковь от церкви отстоит на 200, 300 и даже на 700 вёрст; в некоторых местностях, переезжая из одного прихода в другой, на расстоянии в 700 и даже 1200 вёрст не встречал никакого пристанища для ночлега.

— Где же вы ночуете?

— На снегу, при костре из дров.

— Но теперь, наверное, вам спокойнее и лучше, чем в Якутске?

— Климатические условия, густое народонаселение и устройство путевых сообщений доставляют несравненно лучшие удобства, чем в Якутске, но дело служения здесь несравненно труднее, чем там. Тамошние края населяют хотя и разные племена, но все они давно крещены и веру православную чтут как единую истинную веру, потому что её исповедует сам царь солнца — Кунь-ырахтаги. Притом каждое племя тамошних инородцев, имея свой особенный язык, в то же время говорит по-якутски. Поэтому, выучившись говорить по-якутски, можно вести разговор со всяким инородцем. В Уфимской епархии более двух миллионов жителей, но христиан и одного миллиона нет. Преобладающий культ — ислам. Обитая в одних селениях с черемисами, чувашами и другими язычниками, мусульманские муллы вводят в их жизнь обычаи и

суеверия мусульманские. Таким образом, в каждой деревне, даже в каждом доме обретается по несколько вер и суеверий. То же должно сказать и о наших раскольниках: многие семейства состоят из нескольких сект, из коих одна другой нелепее и безрассуднее.

— А раскольники есть в вашей епархии?

— Есть, и немало. С ними ещё труднее вести дело, чем с нехристианами. Их вожаки, особенно лжеархиереи австрийского избречения, при посещениях грозят им проклятием, особенно если они будут входить в какие-либо собеседования с православным священником, а тем более с архиереем...

В заключение государь сказал:

— Надеюсь, что в Уфе всё-таки вам будет лучше, чем в Якутске. До свидания! — И последовало, как и при встрече, целование рук.

Внизу, меж тем, всех участников аудиенции ожидал завтрак или, скорее, целый обед. На особом столике стояли графины и бутылки с водками и винами, при них закуски с разными рыбами и грибами, а на другом столе обеденные приборы со всеми принадлежностями. Выпив и закусив, митрополит Иоанникий, архиепископ Леонтий и епископ Дионисий от одного стола перешли к другому, где подали им суп со стерлядью и пирожками, затем жаркое и десерт из фруктов. Во время обеда начальник

над хлебодарами и виночерпиями несколько раз подходил, чтобы проследить за правильностью угощения, а может быть — и узнать об отношении гостей к предметам угощения.

В 2 часа 15 минут в тех же каретах и с тем же окружением участники аудиенции прибыли на вокзал железной дороги, а от туда ровно через час — в Петербург. Там ожидала их ещё одна приятная новость: по случаю кавалерийского праздника в честь святого великомученика Георгия предписывалось всем членам Святейшего синода быть завтра во дворце на торжественном молебне.

— Итак, 25 ноября первый раз в жизни удостоился я беседовать лицом к лицу с государем императором, а 26 ноября удостоился узреть всю царскую фамилию, и весь генералитет, и войска, проходившие по залам царским, — заканчивал письмо Дионисий. — Церемониал этот зрите в газетах, а у меня и руки устали писать, да и перо притупилось. Одно скажу, что 25 и 26 ноября я особенно был счастлив, но ноги в 26 число особенно устали...

Больные ноги — это постоянное напоминание о многолетней службе в Якутии. О тысячах и тысячах вёрст пройденных путей. О том, что сделано за эти годы. А сделано действительно немало. Главный итог — это составленная им, Дионисием, якутская азбука и грамматика, а также перевод на якутский язык и издание Нового Завета, Книги

Бытия, Псалтири, Служебника, Требника, Каноника, Часослова и других церковных книг. Это построенные храмы, часовни и церковно-приходские школы, обращённые в православие десятки тысяч людей, утверждение новообращённых в истинах веры, благоустройство паствы в духовно-нравственном отношении.

А что касается нынешней его службы, то и здесь она, как и прежде, многотрудна и разнообразна. Хотя государь и выразил надежду на то, что в Уфе будет «спокойнее и лучше...»

В первый же год приезда в епархию Дионисий совершил четыре поездки по губернии для обозрения церквей. Первая уже по пути от Златоуста до Уфы, хотя от трудностей пути он совершенно изнемог душой и телом, в чём признавался сам. Конечно, эти трудности ничто по сравнению с тем, что пришлось ему испытать в многодневных поездках по бескрайним просторам Якутии, однако даже там судьба подобных сюрпризов не преподносила, а здесь — пожалуй: перед Красноярском санный путь неожиданно закончился, пришлось пересест в летний экипаж, а по миновании Красноярска — снова на сани, которые этот отрезок пути преодолели на колёсных дрогах... Вторая поездка была по Уфимскому и Бирскому уездам; третья — по Мензелинскому уезду. И вновь — по Уфимскому, Бирскому, а также Стерлитамакскому и Белебеев-

скому уездам; сверх того, обозрел все церкви в Уфе. За время служения в Уфимской епархии епископ все уезды посетил неоднократно, а в Златоустовском уезде побывал четыре раза!

На его долю выпал счастливый жребий освящать молитвой и принимать участие в знаменательных событиях богоспасаемого града Уфы, тесно соединённых с интересами всего Уфимского края: начало сооружения железнодорожного пути от Уфы до Самары и Златоуста, празднование 300-летия города Уфы, открытие новых храмов, приходов и школ.

И службы, службы и службы, проводимые чуть ли не каждый день в разных храмах. Вот, например, их перечень всего лишь с 18 января по 22 февраля 1887 года: января 18 — литургия в Крестовой церкви; 25 — литургия в кафедральном соборе; 30 — литургия в Крестовой церкви; февраля 1 — литургия и всенощное бдение в Крестовой церкви; 2 — литургия в кафедральном соборе; 8 — литургия и по оной пред открытием миссионерского собрания молебен святым равноапостольным Мефодию и Кириллу в Крестовой церкви; 15 — литургия, вечерня и после оной обряд взаимного прощения в кафедральном соборе; 17, 18 и 19 — покаянный канон, а 20 — за вечерним богослужением акафист в Крестовой церкви. В среду и пяток преждеосвященные литургии в Крестовой же церкви; 21 — литургия в Крестовой церкви;

22 — литургия и после оной чин православия в кафедральном соборе.

2 августа 1887 года преосвященный Дионисий, по высочайшему повелению вызванный для присутствия в Святейшем синоде, отправился из Уфы в Санкт-Петербург (до Казани — на пароходе братьев Якимовых). Благодаря этому и состоялась памятная аудиенция в Гатчине. И только в апреле следующего года епископ снова вернулся в Уфу, чтобы продолжить службу в епархии. Здесь получено известие о награждении его орденом Александра Невского:

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА

Преосвященному Дионисию, Епископу Уфимскому и Мензелинскому.

Послѣ долговременнаго и многотруднаго пастырскаго служенія въ отдалѣнномъ краѣ отечества, бывъ призваны къ управленію нынѣ ввѣренною вамъ епархією, вы продолжаете совершать святительское поприще ваше съ неослабною ревностію о благѣ св. церкви и дѣятельною попечительностію о духовныхъ нуждахъ паствы, лично вникая въ оныя при обзорѣннй епархіи и обращая особыя благопотребныя заботы на устройство православныхъ храмовъ и школь въ приходахъ среди инородческаго населенія. Желая почтить столь достойное служеніе ваше изъявленіемъ особаго нашего къ вамъ благоволенія, всемилостивѣйше сопричислили мы васъ къ Императорскому ордену нашему святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невского, знаки

коего, при семь препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установлепію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостию благосклонны.

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано: «АЛЕКСАНДР».

Въ С-Петербургѣ, 24 апрѣля 1888 года.

Через несколько месяцев епископу Дионисию исполнится 70 лет. Уходить на покой он не собирался. Его ждали новые дела, новые поездки. Желание всегда быть в пути не угасало с возрастом, наоборот, оно давало новые силы. Но давайте расскажем обо всѣм по порядку...

І. «Не волею, а по собственному желанію...»

1

Летом 1840 года Димитрий Хитров, получив аттестат об окончании Рязанской семинарии, отправился в село Хрущево к брату Григорию для ожидания известия о назначении его на учительское место. В первых числах августа получил с одной почтой сразу три письма с извещением о назначении. Но не в Данков, не в Скопин и не в Рязань, куда он чаял попасть, а на край света, в самую далѣкую Сибирь, в Иркутскую епархию!

Горько было разочаровываться в своих ожиданиях, горько до слѣз, но он не пал духом. Занял

у брата 50 рублей ассигнациями и отправился в Рязань. Брат подвёз на своей лошади вёрст 30. В селе Сурках ночевали, а утром, отправившись в путь, шли пешком впереди лошади своей, разговаривая о трудностях отклонения выбора, падающего на Димитрия. Когда стали садиться в телегу, увидели, что суконное полукафтанье Григория с деньгами в нём где-то свалилось с телеги. Они распрощались; Димитрий пошёл пешком, а Григорий поехал обратно и по дороге получил от крестьянина своё полукафтанье.

Димитрий в тот день шёл очень скоро и, придя в Князево Займище довольно рано, решил до ночи прийти в Скопин. Отойдя вёрст пять от Князева Займища, на большой дороге встретил табор цыган, которые окружили его и сильно напугали. Лишь только успел скрыться от них, как побежал во весь дух и так бежал до села Кельцев. Здесь изнемог не столько от дальнего пути в 70 вёрст, сколько от испуга, и поэтому в Кельцах решил ночевать. На постоялом дворе сел ужинать. Вдруг — потерял сознание и упал.

Старушка-хозяйка sprыснула его холодной водой и привела в чувство. Объяснив любопытной хозяйке свои приключения, путник хотел лечь спать, но старушка посоветовала ему прежде выпить рюмку водки и подкрепиться едой. Совет оказался как нельзя кстати: Димитрий смог с удовольствием поужинать и крепко уснуть.

На другой день он прошёл немногим меньше. Застигнутый тучей и дождём, вынужден был своротить с большой дороги и ночевать в какой-то деревушке против деревни Ягольников. Придя в Рязань, остановился у сестры Гликерии Васильевны. Несмотря на усталость, в тот же день побежал хлопотать о своём деле. Встретившись с А.Е. К-овым, своим товарищем, получившим назначение на учительскую должность в Скопинское духовное училище, предложил тому 150 рублей ассигнациями, если он согласится ехать вместо Димитрия в Сибирь. К-ов с радостью изъявил свою готовность. Молодые люди отправились к инспектору семинарии протоиерею Н.А. И-скому, от которого тогда безусловно зависели судьбы семинаристов. Тот спросил:

— Ну, что скажете?

К-ов объяснил, что он-де готов ехать в Иркутскую епархию вместо Хитрова.

— Нет, милостивец, — прервал его инспектор, — это нельзя уважить, потому что в указе Святейшего синода сказано: «Не требовать от набираемых собственного на то согласия и не принимать от них никаких отзывов, не назначая, впрочем, как само собой должно разуметь, подверженных болезням и таких, которых пребывание на родине нужно для пособия многочисленным семействам, не имеющим другой опоры». Следовательно, указ велит посылать не волею, а по

собственному желанию; а Хитрова нельзя уволить никоим образом: содержался он на казённом иждивении 6 лет; отца, матери, братьев и сестёр, требующих его пособия, нет у него; по поведению и успехам вполне благонадежен; словом, весь указ как бы списан с него...

— Выслушав такой отзыв о себе и такой нелогичный взгляд отца инспектора на смысл указа, — вспоминает годы спустя наш герой¹, — я всецело предался в волю Божию, но, любя родину и родных, хотел воспользоваться милостью Святейшего синода, высказанной в 5 пункте указа. Там сказано: «Дабы таковое назначение не имело вида стеснения для воспитанников и, сколько можно, представляло в будущем особенную пользу и поощрение, то служение их в Сибири иметь в особом внимании и ограничить семью годами, а по прошествии сего срока предоставить им возвратиться на родину».

В голове молодого человека, понявшего, во-первых, что от судьбы не уйдёшь, а во-вторых — желающего, конечно, возвратиться на родину через семь лет, родилась мысль о том, как заранее исключить поводы, препятствующие его возвращению. Прежде всего нужно было жениться на родине. И 22 ноября 1840 года Димитрий Хитров

вступил в брак, а числа 22 января следующего года отправился из Рязани в Сибирь.

Трудности начались уже в самом начале пути. Инспектор И-ский, будучи сам неопытным в дорожных делах, убедил молодого коллегу, что на почтовых ехать трудно, а с женой и невыносимо:

— Ямщик так погонит лошадей, что от колотья душу захватит. Притом, если оглобля изломается, он потребует за неё рубль...

Дело клонилось к тому, что надо нанять постоянного ямщика, и чтобы у него были и свои лошади, и повозка, и сбруя. Борковские ямщики, к которым обратились Хитров и его товарищ по учёбе Никита Запольский (они договорились ехать вместе), запросили с них до Томска 450 рублей ассигнациями. При заключении контракта Димитрий выдал чистой монетой 350 рублей и сразу чуть не лишился всего своего состояния: хитрые ямщики-кулаки 200 рублей разделили между собой, а на 150 рублей ямщик-подрядчик должен был купить трёх лошадей, повозку и сбрую. Потом повозка для четверых — товарищ тоже был с женой — оказалась тесноватой. И, наконец, ямщик им попался — горький пьяница...

¹ Здесь и далее автор цитирует автобиографические записки Димитрия Хитрова, впоследствии преосвященного Дионисия, в 1900 году опубликованные в журнале «Уфимские епархиальные ведомости» (№ 4–7).

До города Касимова они ехали более 10 дней. Здесь Хитров обратился к городничему Ивану Фёдоровичу. Тот, выслушав жалобу и посмотрев контракт, только покачал головой, дивясь крайней неосторожности и неопытности юных путников. Сказал:

— Контракт ваш незаконный и к рассмотрению в присутственном месте принят быть не может. Советую вам развязаться с вашим ямщиком и ехать на почтовых.

— Мы бы рады, да деньги-то где?

— А деньги, отданные в Рязани, все пропадут...

И почтенный Иван Фёдорович посоветовал поступить так: забрать у ямщика всё имущество, купленное, кстати, на деньги путников, и расстаться с ним. Чтобы не замёрз, отдать ему одну лошадинку, а других продать. Повозка же пригодится им самим.

...Является в управу ямщик, зело пьяный. Городничий кроме словесных внушений дал ему несколько вразумляющих тычков. И на контракте было написано: «По взаимному между нами соглашению контракт сей уничтожаем».

Двух лошадей с хомутами продали по 30 рублей ассигнациями, одну оставили ямщику и отправились дальше на почтовых. До Нижнего ехали в разных эки-

пажах, а в Нижнем к ним присоединился третий товарищ, тоже женатый, следующий в Томск.

12 марта 1841 года Хитров и Запольский первыми из назначенных прибыли в Иркутск. Преосвященный Нил² так был обрадован, что сказал:

— За то, что вы первыми прибыли сюда, ступайте в консисторию и спросите, где есть самые лучшие места, — туда и определю вас!

Оказалось, что самое лучшее место в Кяхте, а ещё в Троицкосавске; но последнее не очень одобряли. Товарищи вернулись к преосвященному и высказали желание поступить одному в Кяхту, а другому — в Троицкосавск. Преосвященный извинился: он не может сдержать данного им обещания, потому что кяхтинское место назначено заслуженному священнику. И притом там богатеют от контрабанды, а новички на первых же порах могут попасться с несправедливым приобретением и погибнуть навсегда...

Преосвященный хотел, чтобы новоприбывшие не скучали на чужой стороне, определить их вместе в один город. Направил их в Иркутский архиерейский дом, к иеродиакону Никандру, прибывшему сюда из Данкова — родины Димитрия. Молодые люди пошли к нему и попали в ловушку: отцу Никандру поручено было убедить их изъявить желание служить в Якутске.

² С 1838 года епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский, 13 апреля 1840 года возведён в сан архиепископа. В миру Николай Фёдорович Исакович.

Земляк исполнил поручение с полным успехом! Действуя по данной ему инструкции, он убеждал, что Якутия — страна, чуть ли не кипящая мёдом и молоком, а в политическом отношении пользуется почётом на одном уровне с губернским городом.

— Как ни сладки были речи, исходящие из уст земляка-утешителя, — пишет вчерашний семинарист-отличник, — но мы, зная географическое положение Якутска и предстоящую неоглядную даль нового пути, отрекались от Якутска страхом опасностей, предстоящих в пути, и суровостью климата подполюсной страны...

Чтобы, наконец, совершенно победить сомнения колеблющихся, отец Никандр объявляет:

— Если вы изъявите желание ехать в Якутск, и я не отстану от вас! Мне и здесь тепло и хорошо, но я решаюсь на такую жертву единственно по любви к вам...

Такое принесение себя в жертву убедит всякого. И, кажется, никто не может выказать им больше любви, чем этот человек, душу свою полагающий за них. Но тут-то их и обманули! Отцу Никандру обещано было: если он уговорит земляков поступить на службу в Якутск, то будет возведён в иеромонашеский сан и получит должность казначея Якутского Спасского монастыря. Вот причина его самоотверженности и любви к ближнему...

Как ни сомневались рязанцы в искренности чувств к ним отца Никандра, но, ведая в то же

время, что судьбы людей устраиваются не ухищрениями человеческими, но по усмотрению промысла Божия, они, посоветовавшись с юными подругами своими, подали прошения о назначении: Запольского — в Якутский Троицкий собор, Хитрова — к градо-Якутской Преображенской церкви. Высокопреосвященный Нил благосклонно принял прошения, а вслед за тем определён был в Якутск и четвёртый их земляк, Михаил Некрасов.

15 марта после всенощного бдения, часу в десятом вечера, пресвященный позвал Хитрова и Запольского на экзамен. Бог весть с каким намерением угодно было провести испытание в тёмной комнате без огня. Вопрос был задан такой: как согласовать учение святого апостола Иакова об оправдании человека делами (2, 17) с учением апостола Павла об оправдании одной верой (Римл. III, 28). Так как этот текст подробно разъяснялся в Герменевтике, то ответ был дан без затруднений. Потом перешли к другим евангельским добродетелям — вере, надежде, любви...

По окончании экзамена пресвященный Нил назначил Хитрову готовиться к рукоположению в дьякона, и 16 марта 1841 года, в воскресенье пятой недели поста, он был рукоположен в дьякона. Седмицу шестой недели служил в Крестовой церкви, а в следующее воскресенье был рукоположен в дьякона и Запольский. Хитрову же сказано:

— Завтра следовало бы поставить тебя в священника, но не лучше ли будет отложить на после Пасхи? Всё равно тебе из-за распутицы не уехать в Якутск. В Тельминской фабрике сейчас нужен дьякон, потому что туда от высочайшего двора прислано полное церковное облачение, которое хотят обновить в Пасху, а местный дьякон недавно произведён в священники.

Димитрий согласился. Во вторник на Страстной неделе поданы были подводы, и он со своей сопутницей отправился в Тельминскую фабрику, куда и прибыли в Великий четверг. Церковь, общество и жизнь в этом селе так ему понравились, что за счастье почёл бы навсегда остаться здесь дьяконом. Однако же доходами наделили скудно: дали только 15 рублей ассигнациями, тогда как товарищи, оставшиеся в Иркутске, за исправление дьяческих должностей получили вшестеро больше.

Преосвященный по возвращении обо всём подробно расспрашивал, и 15 рублей его тоже удивили. Но Димитрий объяснил, что, может, в доход включены и вещи, подаренные директором фабрики, как то: два графина, шесть рюмок, шесть стаканов.

— Это для них пустяк, — сказал преосвященный, но молодой дьякон был очень доволен этим презентом. А при возвращении в Иркутск, в четверг на Светлой неделе, путники избежали неминуемой, казалось бы, гибели не иначе, как заступничеством

святителя и чудотворца Иннокентия. Дело было так: подъехав к Вознесенскому монастырю и увидев повозку, переезжающую через Ангару и почти достигшую противоположного берега, они решили было следовать за ней. Как только спустились на лёд, с берега послышался шум и крики: «Стой! Стой!» Но ямщик ехал вперёд. И лишь когда мужики догнали экипаж и повернули его обратно, стало понятно, почему: у противоположного берега Ангары образовалась полоса воды сажени в две; полоса эта с каждой минутой расширялась, лёд, увлекаемый течением, погружался в глубину. На глазах удивлённых путников дорога, по которой только что прошла повозка и по которой они собирались ехать, исчезала. Если бы крестьяне силой не удержали их, то сейчас они были бы как раз в том месте, где образовалась полынья, и экипаж вместе с людьми и лошадьми утонуло бы под лёд...

Воздав хвалу Божественному стражу за спасение, путники вернулись в Иркутск через казённый перевоз. А в следующее воскресенье, 6 апреля 1841 года, тем же преосвященным Иннокентием в Воскресенском храме, называемом также Тихвинской церковью, Димитрий Хитров был рукоположен в священника ко градо-Якутской Преображенской церкви. Богослужению и исправлению христианских треб указано было ему учиться для удобства по местожительству, в

Харлампиевой церкви, где настоятельством протоприерей Василий Шастин, а другой священник был отец Стефан Литвинцев; оба почтенные старички.

Однажды начинающего священника пригласили служить молебен в доме П.И. Т-овой, этот случай познакомил его и сблизил на всю жизнь с хозяйкой дома. У неё была в Якутске дочь замужем за советником, к которой она должна была выехать из Иркутска на одном судне с новопоставленными иереями: Запольским, Некрасовым и Хитровым — а также земляком и советником их отцом Никандром. Из Иркутска выехали 5 мая³. Но только 10 мая павозок их отвалил от берега и, влекомый быстрым течением реки, как птица понёсся в Якутск.

Павозком, или паузком, называется плоскодонное судно саженой семи длиной и до трёх шириной. Внизу на кокорник настилают от кормы до носа толстые доски; в самый низ кладут товары, которые вода не может повредить: железо, свинец, кадки с мёдом и маслом; затем — разные тюки со всякой всячиной. Тюки эти укладывались так, чтобы для пассажиров получались как бы отдельные каюты со столиками и кроватями. При таком комфорте они, несмотря на дальность пути, никакой нужды не терпели. С берега достав-

ляли молоко и яйца, а рыбаки за ничтожную плату привозили живых налимов, осетров и нельму. А какое удовольствие смотреть на живописные берега Лены, покрытые кедрами и пихтой, на скалы цвета кирпичка. Спокойное, как в комнате, сидение в павозке скоро заставило забыть все те ужасы, которые, по неопытности своей, многие ожидали встретить в этом дальнем плаваньи. Причём путь по Лене оказался очень дешёвым: проезд от Качуга до Якутска с содержанием стоил каждому священнику с женой 25 рублей ассигнациями.

Когда павозок приближался к селению, где была церковь, его встречали колокольным звоном. Такая честь была оказана в Витиме, в Олёкме и даже в самом Якутске, и вот почему: с часу на час ожидали прибытия преосвященного Иннокентия, епископа Камчатского, который следовал в пяти или шести часах сади. И иеромонаха Никандра, вероятно, принимали за архиерея, а может быть, по предвидению Божию, молодому священнику Димитрию предрекалась почать будущего звания.

29 мая, после четырёх с половиной месяцев в пути, в пятом часу вечера издали увидели путешественники предназначенный им для жительства город Якутск. И чем ближе приближалось судно к Якутску, тем физиономии

³ Переезд по почтовому тракту (около 240 вёрст) от Иркутска до верховьев Лены, где начинался речной путь, в записках не отражён. Впрочем, читатель уже знает, что в Сибири это расстоянием не считается. Другое дело — 2500 вёрст по Лене от Качуга до Якутска...

их делались грустнее и печальнее: на всей ближайшей к берегу улице не видно ни одного порядочного домика; церковь, в которую Хитров определён, окружена деревянными подмостками; у недостроенной каменной церкви подмостки пришли в ветхость и имеют вид совершенной разрухи. И вот, наконец, павозок пристал к берегу; на нём стояло человек десять священников весьма почтенной наружности.

— Я, вышедши из павозка и подошедши близко к ним, — передают нам настроение момента автобиографические записки, — поклонился чуть не до земли и просил принять меня и товарищей как странников и пришельцев из далёкой страны. И, как не имеющих ни родных, ни знакомых, руководить нами в жизни служебной и частной... Батюшки сочувственно отзывались на мою краткую и умилённую речь и облобызали нас в уста и десницы...

2

Между иереями, встречающими их на берегу, Димитрий Хитров нашёл старшего священника Преображенской церкви, которого попросил довести его до храма. Внутренность деревянного храма показалась великолепной, чем он весьма утешился. Но на вопрос о квартире последовал отрицательный ответ. Со слезами на глазах возвратился

молодой священник в павозок, где и вынужден был провести ночь вместе с молодой женой. На другой день кое-как нашли себе маленькую хижину (около двух квадратных сажений), где и поселились. Но прежде с утра священник Хитров представился областному начальнику, благочинному и в духовном правлении. Часу в десятом на Лене показалось судно, на котором шёл преосвященный Иннокентий⁴. Снова раздался колокольный звон, сначала в монастыре, потом и во всех церквях. Через час уже встречали преосвященного в монастырском храме.

31 мая Димитрий совершил первую литургию в Преображенской церкви. Народа было мало, потому что все стремились попасть на служение архиерея. Числа 1—3 июня молодой священник отправился к преосвященному, чтобы принять благословение, так как ему предстояла поездка по приходу для исправления христианских треб. Благословляя, преосвященный сказал:

— Заклинаю тебя Богом употребить все твои силы и старания на перевод Священных книг на местный язык!

— Как я могу приняться за такое дело, — отвечивал благословляемый, — к исполнению которого не имею ни сил, ни способностей, ни знания?

— Молись Богу. Его сила в немощах совершается...

⁴ Епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, в дальнейшем — митрополит Московский и Коломенский, в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов.

Впоследствии, по неисповедимым законам судьбы, исполнилось слово архиепископа о переводе книг, но якутское богослужение Димитрия Хитрова началось с другого. Его первый приход начинался от Якутска в четырёх и заканчивался в ста верстах: Хоринское-Багародай, Хехеветай, Жерений, 1-й Махтанский, 2-й Махтанский... Первый же выезд поставил в трудное положение: надо было исповедовать больного и причастить его, но как это сделать, если они говорят на разных языках? Священник хотел призвать на помощь дьячка, хорошо разумеющего по-якутски, но больной не позволил тому быть свидетелем его исповеди. Так было и при второй, и при третьей исповеди.

Увидевшись с улусными псалмами, священник научился у них правильному произношению заранее записанных им вопросов, которые нужны в этой ситуации, и убедился, что его стали понимать. Это был большой шаг вперёд, но как быть с ответами: пока Хитрову понятны только «да» или «нет».

Так продолжалось около месяца. К духовным скорбям добавились и телесные: был Петров пост, и питаться приходилось одними ржаными сухарями (у якутов нет ни хлеба, ни рыбы). И однажды, простояв целый день на ногах и выслушивая исповеди, молодой священник до того занемог, что с ним едва отводились. Вообще-то все священники и причётники Якутской области

во время поездок по епархии употребляют и мясо, и молоко в любое время года, но Димитрий, с детства воспитанный в строгих правилах, не смел нарушить церковной заповеди: нарушишь раз по нужде — потом нарушишь и без нужды...

Недолго наслаждались миром и пользовались любовью народа новоприбывшие священники. Запольский определён был в Якутский собор сверх штата, и ему не спешили выделять отдельный приход. Бедность и неимение куска хлеба вынудили Запольского донести о своём состоянии преосвященному Нилу, и эта жалоба навлекла ненависть на всех. Преосвященный предписал: за нанесённую Запольскому от причта обиду дать ему первое место после протоиерея. А место это занимал препочтеннейший священник Иоанн Иванов, пользовавшийся всеобщей любовью и прослуживший в сане священника по крайней мере сорок лет. И украшенному сединами старцу велено уступить безбородому юнцу? Таким поворотом дела возмутились прихожане и прочие граждане.

— Но за что по этому делу ненавидели меня, который ни словом, ни мыслию не участвовал в советах виновного? — недоумевает автор записок. — Нелюбовь народная тяготила меня, а вскоре и в семью мою забрела такая скорбь, которая не оставила меня во всё время семейной жизни...

22 октября 1841 года, часу в 12-м ночи, родился первенец,

сын Михаил⁵. Отец радовался своему счастью, не ведая, что готовит ему судьба. Жена стала поправляться, и дней через десять он уехал из дома по делам службы. На второй или третий день является нарочный с известием, что жена сильно больна. Дмитрий без памяти поспешил домой, и что же? Жена оказалась в высшей степени помешательства, даже в состоянии бешенства. Целый сонм врачей лечил её, но пользы не было никакой: медицина в то время о душевных болезнях мало что понимала.

Молодая попадья всю зиму страдала умопомешательством. Потом года два была как будто в своём уме. Но в 1846 году, в бытность Хитровых в Нижнеколымске, снова в одно мгновение болезнь вернулась. И с того времени недуг хоть и оставлял её на год или несколько месяцев, полного выздоровления уже не было.

В июле 1841 года Дмитрий определён был учителем 2-го приходского класса, чему он весьма обрадовался, потому что по незнанию якутского языка и по отвращению ко гнусному способу получению доходов от якутов иногда не имел чем за квартиру заплатить. Учительской работой был вполне доволен и готов был всю жизнь заниматься ею, но в 1844 году, вследствие ходатайства преосвященного Нила, последовало высочайшее

повеление об учреждении в Якутской области двух походных церквей с двумя священниками при каждой. Предложено было Запольскому и Хитрову принять на себя это служение. Они согласились и каждый год совершали путь до 10 тысяч вёрст, посещая приходы Верхоянского и Колымского округов, а также самые отдалённые места Якутского округа: Оймякон, Аллах-Юнь (по Охотскому тракту), Нелькан (по Аянскому тракту), Учур и Темтен (по притокам Алдана) и, сверх того, кочевья тунгусов, скитающихся в верховьях реки Олёкмы. Запольский даже пробирался через Яблонный хребет на реку Зею, проплыл по Амуру до Восточного океана и воротился в Якутск через Аян, Нелькан и Усть-Маю.

Поездки были соединены с неимоверными трудностями. По несколько месяцев их участники ночевали на снегу под открытым небом при трескучих полярных морозах, отчего некоторые преждевременно сходили в могилу, а другие, страдая несколько лет от цинги, вконец расстроили своё здоровье. От простуды умер отец Лаврентий Винокуров. Коротким оказался и жизненный путь протоиерея Запольского...

Дмитрий Хитров в составе походной церкви посетил многие места Якутской области. В сентябре 1845 года выехал из Якутска и объездил весь Верхоянский

⁵ Автобиографические материалы не содержат сведений о скорой смерти младенца. Но именно это, судя по всему, стало причиной дальнейших трагичных событий. — Авт.

приход, исправляя все христианские требы. В конце 1845 года с верховьев реки Дулгалах переехал в верховья реки Быгантай и там чуть не замёрз. Более суток ехали верхом без остановок, но до места не добрались и решили первый раз в жизни ночевать на снегу под открытым небом. Страшная эта ночь вспоминалась с содроганием сердца и многие годы спустя...

Несмотря на январский сорокаградусный холод, усталые путники заснули. А утром, к удивлению своему, увидели у костра человека, который сказал, что он всю ночь ожидал их. Оказалось, что жилище бедного зверолова было всего в получасе ходьбы от этого места! Тесная и убогая хижина показалась им, до костей промёрзшим и усталым, лучше барских палат!

Умывшись и помолившись Богу, путники подкрепились горячим чаем из кипящего чайника. Здесь провели они, давая отдых себе и лошадям, двое суток. Добравшись до верховьев реки Быгантай, священник занялся требоисправлением у обитающих там якутов и тунгусов, проповедовал Евангелие. Следуя вниз по реке Быгантай и достигнув впадения в неё реки Яны, поспешил к Рождеству Христову прибыть в Верхоянск и составить для жителей сего края истинный праздник. В других местах Святочные вечера проходят в разных забавах и увеселениях, а здесь пришлось каждый день служить обедню, и жители города почти

все ходили в церковь, готовясь к Святому причащению, потому что многие из них не были у причастия, в силу разных обстоятельств, в течение пяти лет.

Числа 10 января 1846 года Димитрий Хитров вновь отправился в поездку по Верхоянскому приходу и, посетив все его уголки, с реки Быгантай перебрался в верховья реки Омолая. Следуя вниз по её течению, около 20 марта прибыл в Устьян, где, к сердечному удовольствию своему, увидел прекрасную часовню с алтарём и иконостасом. Здесь проводил каждый день утренние и вечерние службы и обычные часы; жители все постились, готовясь к принятию Святых тайн. В День Благовещения Пресвятой Богородицы прочитано было правило готовящимся к Священному причащению.

Прочитав входную молитву, священник облачился в торжественные одежды для совершения проскомидии. Находившийся при нём дьячок Иван Филиппович пошёл за водой и с криком упал на пол: он был одержим падучей болезнью. Более часа мучился он в судорогах и корчах; наконец, приподнялся и сел. Ещё более часа после этого сидел возле недужного дьячка священник, пытаясь определить, сможет ли тот читать и петь на клиросе, а то, кроме него, некому это делать. Хотя больной и сказал, что сможет, но как-то неуверенно...

Наконец, со страхом и трепетом священник приступил к

службе, и всё прошло благополучно, а после литургии водружён и укреплён был крест на главе часовни. Часовня эта, по представлению Хитрова, впоследствии превращена была в самостоятельную церковь со своим священником.

Устьянский улус тогда вошёл в Верхоянский приход, и походный священник обязан был посещать всех его жителей, обитающих по разным рекам, впадающим в Ледовитое море между Яной и Индигиркой, как то: Чондон, Хрома, Мурья — и по всей тундре. Затем следовать в Русское Устье и на Колыму. Несмотря на трудности пути, в числе которых холод, пурга и малообитаемость местности, шествие служителя Христова можно бы назвать безмятежным, если бы временами падучий дьячок не причинял неудобств, но не болезнью, а своей страстью к выпивке.

Тайком от священника он вёз с собой немалый запас спирта, а чтобы удобнее было пьянствовать, устраивался на ночлег отдельно от священника, и пил сам, и других поил до безумия. Падучая болезнь была дьячку возмездием за это дурачество и непутёвую жизнь, вновь и вновь посещая его. А по дороге из Русского Устья в Колыму, куда отправилась походная церковь на собачьих упряжках, случилось вот что. Дьячок выехал двумя часами ранее священника и уже мог быть в деревне Станчик за 40 вёрст, когда тот выехал сле-

дом. Но, едва проехав половину пути, Хитров видит: стоит нарта дьячка, а вокруг неё суетятся проводники. Он поспешил на помощь, полагая, что опять случился припадок падучей. Однако, услышав крики дьячка, понял: дело не в болезни, так как при падучей не кричат. Оказалось, дьячок приказал проводнику остановиться и налить ему спирта. Проводник задумался, во что бы налить. Опытный дьячок указывает на колокольчик, привязанный к собачьей упряжи по примеру почтовых. Сказано — сделано. Каюр отвязал колокольчик, наполнил его алкоголем, дьячок радостно припадает устами к металлу и...

Колокольчик примёрз так, что до Станчика его невозможно было оторвать. Но горбатого, говорят, могила исправит: дьячок не вразумился этим внушением и продолжал пить. Хорошо, что спирт скоро закончился.

Числа 15 апреля походная церковь отправилась из Станчика и 2 мая кое-как прибыла в Нижнеколымск. Опять из-за дьячка своего Хитров натерпелся страху. При переезде из Большой Чукочи в Малую Чукочу путь проходит по льду так далеко, что берегов не видно. Путники благополучно прошли первую половину, подкрепились чаем, бросили собакам по рыбе, навайдали нарты, то есть облили полозья водой, которая тут же замёрзла. Часа через полтора надеялись прибыть в Малую Чукочу — деревню домов в 20, в

которых жили только летом, там отдохнуть и обогреться после нескольких ночей, проведённых на самом лютот морозе. Но когда ещё пили чай, стал свежеть ветерок и начинало темнеть. Погонщики, посоветовавшись между собой, решили: если пурга усилится, кто засветло не доедет до деревни, то пусть остановится и ночует в тундре, иначе можно захватить Бог весть куда. Священник Хитров и с ним ещё две нарты прибыли в Малую Чукочу часа через два. На их счастье, нашёлся дом, тёплый и чистый; видимо, кто-то только что покинул его. Сделали чай и ужин, однако еда не шла на ум: дьячка нет, а пурга так усилилась, что в двух шагах ничего не видно. Ночь прошла в ожидании. Весь следующий день пурга была такая, что из сеней до нарты с провизией отпускали проводников на верёвке, иначе им не вернуться обратно.

На третий день походный священник встал пораньше и, собрав проводников, решил посоветоваться. Ответ был один: не знаем, что делать. Меж тем пурга хотя не стихала, но видимость стала лучше. Хитров настаивал на том, чтобы кто-нибудь поехал на поиски оставших. Ему отвечали:

— Мы готовы, но этим не убавим горя, а только прибавим: сейчас о двоих сердце болит, а тогда о четверых надо будет беспокоиться. — Их доводы были совершенно правильны.

Через час, когда за окном стало светлее, Димитрий вышел в сени поговорить с проводниками, и вдруг показалось ему, что сквозь пургу он видит кого-то идущего:

— Посмотрите, там же идёт человек!

— Да это тунгус за дикими оленями гонится, — ответили проводники, тоже разглядев что-то.

— Ну, если тунгус за дикими животными не страшится гнаться в такую погоду, не грешно ли нам раздумывать об опасности отыскивать потерявшихся в пургу людей?

Снег стал слабее, так что стало видно сажений на 20, а иногда и на 30. И вот они все как сквозь туман видят: по направлению к хижине идёт человек. Они с радостью узнают в нём дьячка Ивана Филипповича и бегут к нему навстречу!

Думали, что и Иван Филиппович обрадуется товарищам своим, но он стал укорять, что они бросили его. Спутники молчали, как будто и в самом деле виноватые, давая ему возможность выплакаться досыта. Потом, дав чашечку любимого алкогольного бальзама и горячего чаю, спросили: где же он всё время находился и где его проводник Филипп Черемхин?

— Всё время лежали мы на том месте, где вы увидели меня, — был ответ. — Если бы не было приказа оставаться на месте, то мы бы доехали благополучно до

вашего кочевья: собаки уже чуяли вас и лаяли, как мы ни успокаивали их. А я как увидел крест деревянный на башне, так сразу понял, что вы здесь: в минувшем году мы с Никитой Запольским ночевали здесь, и эту местность я хорошо запомнил...

30 апреля путники прибыли благополучно в Походск — деревню в 80 верстах от Нижнеколымска по течению реки. Проводники шепнули священнику, чтобы он попросил у жителей корма для собак и людей. Щедрость колымчан изумила всех: за один час наносили рыбы фунтов с тысячу.

2 мая Хитров выехал в Нижнеколымск и остановился в доме священника Андрея Аргентова, нижегородского уроженца. Нижнеколымск не селение, не город и не деревня: улиц в нём нет, дома без кровель и дворов; где у одного дома крыльцо, там у другого открытое отхожее место. Это обстоятельство и послужило причиной несчастья в семье Хитровых: жена вышла на двор, там были люди, и она пошла дальше. А время было весеннее, под снегом стояла вода. Только жена сошла с дороги, как ноги её оказались по колено в воде; она тут же и помешалась...

Прожив здесь до 10 мая, Хитров служил в местной церкви, под конец исповедал и приобщил Святых тайн всех духовных лиц и многих из жителей, потому что был определён епархиальным начальством их духовником. А местный командир

Чартков, будучи в разладе с отцом Аргентовым и желая досадить ему, слушал страшные деньги за собачьи нарты, тем самым обидев Димитрия. Ну да Бог с ним...

Дальнейший путь до урочища Олбута походная церковь проделала по-прежнему на собачьих нартах, а затем до Якутска — на верховых лошадях. Была самая распутица, реки и речки вышли из берегов, мостов и переездов нет. Вдобавок каждый день несколько раз встречались медведи. Священник Хитров более всего тяготился болезненным состоянием своей жены и дьячка. Первая в помешательстве могла сделать что-нибудь во вред себе или другим; второй же мог погибнуть при переправе через реку, если случится с ним припадок. Сколько раз раньше случалось видеть, как этот несчастный с рёвом падает с коня, а нога запутывается в стремях. Но Бог хранил его в пути, а умер он дома от своего недуга: сидел на берегу и удил рыбу, случился припадок эпилепсии — упал лицом в воду и захлебнулся...

Числа 15 июня с горем и мучениями добрались до Зашиверска. Здесь было большое собрание: два исправника, три священника и много купечества. Хитров опять много служил, приобщив обоих исправников и всех духовных лиц. 20 июня отправились дальше и 1 июля на реке Догдо встретили много тунгусов, у которых крестили до 10 младенцев. На речке Урулаччи,

впадающей в Догдо, чуть не утонули из-за подъёма воды после дождей. Числа 3 июля прибыли в Верхоянск. Здесь остановка: местный исправник дал предписание инородной управе и родовым управлениям, чтобы те не давали подвод походному священнику. Вроде бы исправник заботился об инородцах, а на самом деле имел личный интерес: он просватал дочь за казачьего офицера, который сейчас находился в отъезде, а когда вернётся — совершать обряд будет уже некому, так как своего священника здесь ещё не было.

— Находясь в этой безвыходной крайности, — признаётся автор записок, — я секретно нанял якутов, доставивших в Верхоянск соль и муку, и с ними 28 июля кое-как доплёлся до дома со своими больными и недужными. Жена моя по прибытии домой скоро поправилась и пришла в себя...

3

Ранней весной 1847 года священник Хитров посетил многие приходы восточнее реки Лены вплоть до границы Охотского округа, а именно до Аллах-Юньской станции. Так как церквей там мало, то во многих местах занимался богослужением, проповедью слова Божия и требоисправлением. За поездку пройдено 1273 версты. В апреле предписано ему было посетить тунгусское урочище Учур

и устроить тамошнюю часовню. Выполнив поручение, проехал на Нелькан, оттуда вниз по реке Мае до её устья. Числа 7 июля воротился в Якутск, совершив путь в 2100 вёрст.

6 сентября отправился в новый, но не менее трудный поход сначала в Оймякон, а потом на Колыму. Так как в прежних походах было немало трудностей, то решено было купить своих лошадей и отправиться на них. Но и здесь не обошлось без скорбей. В конце сентября подъехали к Алдану — реке широкой и быстрой. Перевоза нет, о мостах на реке шириной в две версты и думать нечего. Решили перегнать лошадей вплавь — и перегнали, но на другой день лошадей было не узнать, так они исхудали от холодной алданской воды. А спустя неделю-другую две лошади издохли. Вот и вся выгода иметь своих лошадей. Прибавьте к этому содержание проводников и конюхов...

От Алдана до первых оймьконских жителей на протяжении 650 вёрст нет ни одного приюта для ночлега; поэтому недели на три, по крайней мере, нужно запастись провизией. Хитров решил купить для себя и своих спутников большого быка за 25 рублей, а трём ямщикам — корову: пусть едят, сколько хотят. И чем же обернулась полная воля? На 13-й день якуты заявили, что им нечего есть, провизия вся вышла...

— Ешьте вашего быка!

— Да где же он? — спросили обжоры.

Вероятнее всего, они припрятали мясо на свой обратный путь, а других заставили голодать целую неделю.

25 октября путники достигли первого жилья и простой убогой хижине радовались, как барским хоромам, что бывало и раньше. Здесь встретил их почтеннейший якут Иван Петрович Готовцев, бывший головой и начальником рода, тотчас поздравил Димитрия с наступающим днём ангела. Вечером в его честь было отпето всенощное бдение, а утром — часы и молебен. Иван Петрович предложил следовать не прямо в Оймякон, а попутно исправлять у всех встреченных жителей христианские требы, потому что их священник, лет восьмидесяти, отправился в Якутск да дорогой и помер.

Как было не исполнить просьбу опытного старца! Числа 5 ноября походная церковь прибыла в Оймякон. В Вознесенской церкви ни священника, ни причётника не было, так что и пристать некуда.

— Добродушный Иван Петрович, как древле Авраам, умолял войти в его дом и почить от трудов путевых...

Димитрий воспользовался приглашением и тем самым неумышленно обидел его родного брата Семёна Петровича, который летом 1847 года, будучи в Якутске, усердно просил священника остановиться только в

его доме, если на то будет нужда. Но сам он сейчас был в отъезде, а старший брат его за 300 вёрст встретил и сопровождал гостя, так что тот счёл не совсем приличным занять дом без хозяина. Отслужив две-три обедни, священник поспешил в отдалённое урочище Орутук за три сотни вёрст. По пути довелось встретиться с тем самым Семёном Петровичем Неустроевым (братья родные, а фамилии почему-то разные). Узнав, что приезжий остановился не в его доме, он так обиделся, что не стал даже говорить с ним.

Хитров долго извинялся и просил простить его, ссылаясь на причины своего поступка. Наконец Семён Петрович простил вину с тем условием, что по возвращении с Орутука гость непременно остановится у него. Тот опять дал слово и опять не сдержал его: возвратились в Оймякон поздно ночью с 5 на 6 декабря и сочли неприличным беспокоить людей, у которых ещё не были.

Только через несколько дней Семён Петрович простил обиду и в какой-то праздник, придя к Хитрову часов в 11 ночи, сказал:

— Я забуду всё, только пережди ко мне на квартиру сейчас и молебен отслужи!..

— Я поблагодарил его за незлобие, но переходить в другой дом в глухую полночь не согласился, потому что был уже в постели... — на этом рукопись священника Димитрия Хитрова прерывается.

II. «Преисполнен был духовной радостью...»

1

Сейчас уже никто наверняка не скажет, почему автобиографические записки прерываются так неожиданно, практически на полуслове. Может быть, следующая часть рукописи просто потеряна? Что же, такое бывает нередко. Хоть и утверждалось, что рукописи не горят. К сожалению, и горят, и в воде тонут, и от нелепой случайности или небрежности человеческой не застрахованы.

А может быть, продолжения вообще не было? Просто автору записок вдруг стало не до них? Напомним, что писались они не ранее 1876 года. Что происходило тогда с Дмитрием Хитровым, уже ставшим Дионисием, епископом Якутским?

Или, может быть, в конце 1840-х годов произошло что-то, о чём и спустя много лет не хотелось вспоминать, снова бередить душу тяжёлыми воспоминаниями? А что-то ведь произошло, не могло не произойти. Судите сами: Дмитрий Хитров достигает своего тридцатилетия. Начало жизненного пути пройдено. Прошло — и это самое главное — семь лет его служения в Якутии. Те самые семь лет, после которых он имел право вернуться на родину. Да ещё какое полное право, учитывая несчастное

семейное положение! А вдруг на родине болезнь отступит от жены, вдруг поможет ей перемена обстановки, да и столичные врачи наверняка могут что-то сделать. У кого хватило бы совести лишить людей такой надежды?..

Однако своим правом священник Хитров не воспользовался. Почему? Что удержало его? На эти и другие вопросы сразу ответить невозможно. Может быть, ответ найдётся в последующей жизни и многих годах служения? С надеждой на это — продолжим, только ещё одно небольшое замечание.

Считается, что читатель лучше поймёт литературного героя, если мысленно представит себя на его месте и как бы переживёт вместе с ним какие-то моменты, испытает те же самые эмоции. Но это только в том случае, если речь не идёт о событиях столь экстраординарных, как в этом случае. По крайней мере, самому автору они кажутся именно такими...

Итак, в 1849 году походная Николаевская церковь отправляется в очередную поездку. Дмитрий Хитров в поездках ведёт путевые журналы⁶, в которых день за днём, как приснопамятный свидетель, безыскусно и предельно подробно описывает свои многотрудные путешествия и миссионерские труды, исполненные великого самоотвержения.

С 12 апреля по 1 мая пройден путь от Якутска до Аллах-Юньской станции, находящейся на самой границе Якутской епархии, и обратно. По причине малочисленности жителей места эти редко посещаются приходскими священниками, и благочинный архимандрит и кавалер Самуил, зная духовные нужды края, приказал Хитрову непременно посетить всех жителей, обитающих по Охотскому тракту, и исправить у них христианские требы.

В начале пути не видно никаких признаков приближающейся весны, снег на полях и особенно в лесу невредим, так что дорога очень удобна. Немного мешал идущий временами густой мокрый снег. Редко встречавшиеся местные жители и их жилища свидетельствовали о бедности и страшном голоде, охватившем в ту зиму весь Ботурусский улус. Походный священник признаётся, что не осмеливается говорить подробнее об этом, не желая оскорбить якутскую местную аристократию, однако не может и умолчать об увиденном и узнанном. О том, что бедные якуты, томимые голодом, ходят от одной юрты в другую, прося что-нибудь из еды. Богачам это надоело, и они, видя приближающихся голодающих (на их языке — кумаланов), запираются изнутри до тех пор, пока те не уйдут. Кумаланы, скитаясь от одной юрты до другой (богачи живут обыкновенно не ближе пяти вёрст друг от друга),

теряют последние силы и умирают. Лишённые чувств любви и сострадания богачи спокойны за свою совесть, но страшатся преследования полиции. Они тайком подкладывают мертвецам масло, мясо, молоко и прочее, чтобы начальство думало, что смерть наступила не от голода. О подобных случаях доводилось Хитрову слышать неоднократно, так что в их достоверности сомневаться не приходилось.

Верстах в десяти от Мельжигейской станции путников сильно перепугал какой-то якут, которого они тёмной ночью приняли за разбойника: якут бросился наперерез лошадям и остановил их на полном бегу.

— Кто едет? — спросил он.

— Бачка, — отвечал ямщик.

Якут продолжал:

— Я жду его второй день и имею до него весьма важное дело.

Священник уже без страха сошёл с повозки, спросил, в чём состоит это дело.

— Я вдов, — был ответ, — и избрал себе сподружницу из русского рода. Назначьте мне день для венчания!

Рассчитав время, Хитров назначил срок, когда он будет возвращаться. Не доезжая до следующей станции, встретил другого якута, тоже вдовца лет 25-и. Тот тоже просил обвенчать его с невестой, с которой сожительствует около двух лет и имеет детей. Священник так же хотел отложить свершение брака на

обратный путь, но якут так убедительно просил сделать это сейчас, что пришлось уступить. Тут же были готовы поручители. На вопрос, нет ли между женихом и невестой родства, отвечали: двоюродный брат жениха женат на родной сестре невесты. Священник усомнился в возможности такого брака, и его всё-таки пришлось отложить.

Дальше зимняя дорога была хороша, не то что летом: места здесь низкие и болотистые, грязь и в самое жаркое лето не высыхает. Настланные по болоту гати опасны для неопытного путника: деревья кладутся вдоль пути, и когда лошадь наступает на один конец, то другой упирается ей в заднюю ногу или ещё куда. Всадник падает, рискуя быть задавленным лошадью, которая, изувеченная, бросается из стороны в сторону...

Первый ночлег был на Алданской станции. Часу в седьмом вечера собралось до 25 человек, которым священник говорил о грехопадении праотца нашего Адама, горестном последствии его для всего рода человеческого; об искуплении этого греха и проклятия, тяготившего весь род людской, через страдания и смерть господина нашего Иисуса Христа, во имя которого все крестятся и именем которого через покаяние и причащение Святой Евхаристии получают благодать, освящающую людей и сжигающую тернии их грехов. Говорил о том, каково должно быть покаяние и как должно приступать к

принятию святого тела и крови Христовой.

В местечке Атыржан живёт только одно семейство, но и для него проведены беседы о вечной жизни и о том, как она достигается, о противодействии языческим обрядам и суевериям, источником которых является богохульное шаманство.

После Чернолесской станции походная церковь продолжала путь по реке Белой вместе с ямщиками, вёзшими на оленях почту. Вода уже шла поверх льда, олени скользили и падали, ямщики почти по колено брели в воде. Церковный экипаж тоже подмок. На другой день дорога сначала была хороша, но вёрст через 20 пришлось идти пешком более 10 вёрст по голому льду. Здесь впервые Хитрову довелось увидеть подковы, которые ямщики привязывают к своим ногам, чтобы на льду не падать. Олени выбились из сил, и только на следующий день, пройдя после ночлега ещё 25 вёрст, удалось достичь истока реки Белой, взойти на хребет, разделяющий воды Белой и реки Кень, а далее ущельями до последней точки маршрута — Аллах-Юньской станции. На ней 8 якутских домов, один — станционного смотрителя, один — сторожа запасного магазина. Здесь ночевали, а утром вторника для молебна и слушания слова Божия собрались около 40 человек.

Сначала были молебны Спасителю, Божьей Матери и святителю Николаю, потом поучения

о едином Боге, Святой Троице и почитании Божьей Матери и святых ангелов, о чествовании святых угодников. И в этот день, и в следующие священник проводил исповеди и крещения, говорил о верности жён и мужей в браке, о том, как должно проводить дни праздничные и воскресные, о необходимости отвращения от гнусного и душепагубного шаманства. Только в четверг походная церковь двинулась в обратный путь.

Снова пришлось вёрст 25 идти пешком по воде и промокнуть до нитки. Заночевать на Кырнастатской станции не получилось. Иначе пришлось бы вернуться на Аллах-Юнь и ждать там до лета: зимняя дорога по льду реки стремительно приходила в негодность, наледная вода уже покрывала её от берега до берега. Олени скользили и падали. Ещё около 30 вёрст пришлось идти пешком по воде. После Чернолесской станции дорога пошла лесом, стало легче. И снова на каждой остановке поучения, исповеди, молебны с водосвятием, крещения и совершение браков.

В урочище Масапка прочитано поучение о том, что дети, почитающие своих родителей, получают от Бога благословение, долголетие и во всём изобилие, а грубые и непокорные дети не только лишаются благословения, но и терпят всякого рода нужды и подвергаются проклятию. Поводом для беседы послужила жалоба одного якута на своего

сына, который избил мачеху в кровь и порвал на ней рубаху. Чтобы такие дерзости не оставались безнаказанными, священник просил старосту наказать непослушного сына.

На Амгинской станции Хитрова снова ждал тот якут, просивший о венчании. За время в пути изучив предписания на этот счёт, священник нашёл разрешение на брак при подобном родстве, и якут Мальшев был повенчан с его невестой, а его малолетняя дочь крещена.

На Лебегинской станции Дмитрий встретился с курьером от генерал-губернатора штабс-капитаном Корсаковым. Они пили чай и провели в беседе около двух часов. Курьер не знал ни языка, ни местности. Хитров и сам недавно был в таком же положении и, желая помочь тому, записал в книжку несколько выражений, нужных для общения.

Встречались в пути строящаяся церковь и дом для священнослужителей, часовня, построенная старым знакомым якутом Александром Неустроевым. Особенно понравилась священнику прекрасная часовня, в которой он провёл последнее в этой поездке поучение о том, как нужно чтить святые иконы. И в тот же день, часу в 8-м пополудни, походная церковь вернулась в Якутск.

Столь детальный рассказ о первой поездке нужен, чтобы читатели получили полное представление обо всех превратностях, неожиданностях и

опасностях пути практически из первых уст, а во-вторых — чтобы в дальнейшем избегать упоминания повторяющихся моментов и деталей (священническое служение не отличается особым разнообразием), а больше уделять внимания событиям неординарным и даже экстраординарным. А таковых впереди ещё очень и очень много...

2

Следующая поездка была более продолжительной — с 7 октября 1849 по 3 июня 1850 года — и потому богатой на события. Хотя кто-то из современных читателей наверняка может сказать: «Да куда уж больше-то! И без того повествование выглядит почти невероятным!» Однако не будем спешить с подобными выводами.

Итак, возглавив походную Благовещенскую церковь, священник Димитрий Хитров решил посетить отдалённое место, именуемое озером Жоссей, — на границе Вилюйского и Туруханского округов в 60 днях пути от Вилюйска. Здесь в течение многих лет не бывали приходские священники; одному Богу известно, удастся ли в этот раз достичь цели в лютые морозы.

Выехав из Якутска на запад, первую остановку сделали в Магане на даче купца Леонтьева, который держал здесь мыльный и кожевенный заводы и занимался редким в этих краях делом — хлебопашеством. Выстроил прекрасную часов-

ню с хорошей утварью. После утренней литургии и поучения о жизни временной и вечной Леонтьев удивил своим рассказом о привычках якутов. Случай был такой: работал на кожевенном заводе мастер-якут. Заболел, к нему пригласили лекаря, тот помог в меру своих возможностей, но больному лучше не стало. Послали за священником. На следующий день Леонтьев отправился узнать о состоянии больного и обмер от ужаса: того ночью в сильный мороз увезли за 20 вёрст к шаману...

В местечках Куранах, Кюрдюгене, Тос-Бябаш живут по одному семейству якутов. Священник говорил с ними о призрении Господом сырых и вдовиц, о трудностях пастырского служения, о жизни вечной. Один якут спросил:

— А татары, киргизы и другие не ведающие Христа народы не будут блаженствовать в царствии небесном? И наши предки, умершие некрещёными, вечно должны остаться в состоянии отвержения?

Выслушав ответ, благодарил Бога, что он своей благодатью призвал его в число овец стада своего.

В местечке Улусы на беседу собралось до 50 якутов, живших в округе. Священник учил их читать молитву на якутском языке. В местечке Ике-кель живёт одна якутская семья, да и та была на рыбной ловле; в местечке Сылгинахтах — две, в местечках Огонкель, Сюнарь, Хатын-Юрях,

Аллаих — по одной. Погода тем временем менялась: дул сильный ветер, с запада шёл мокрый густой снег. После Покрова шёл сильный дождь, а вскоре мороз сковал землю, выючные лошади скользили и падали на лёду. Путники большей частью шли пешком и сильно уставали.

Недалеко от границы Якутского и Вилуйского округов встретилась одна юрта. В ней четверо детей, старшему не более десяти лет, все наги и босы. Родители отправились на весь день на рыбный промысел и оставили детей без пищи, и это, судя по всему, не первый раз. Покормив детей, на которых невозможно было глядеть без особенного сожаления, церковники продолжили путь.

В местечке Олбут священник говорил поучение о том, что за всякое благодеяние нужно прославлять имя Божие; поводом послужило то, что недавно местные жители промышляли рыбу в озере Эбе и наловили так много, что сразу не могли всю выбрать. Завязав мотню невода, оставили до другого дня. Но один зажиточный старшина был столь неблагодарным, что говорил: ему нечего будет продавать в наступающую зиму. Хотя ему досталось рыбы впятеро больше других, потому что невод был его.

В местечках Билилях, Харьялах, Мунияга, Хатыстах живут одна-две семьи якутов, занимаются рыбной ловлей в многочисленных окрестных озёрах, которые путникам приходилось

объезжать: лёд на них хотя толст и крепок, но некованные лошади и шагу не могут ступить по нему. На одной из ночёвок юрта была так тесна, что хозяева с детьми ночевали во дворе, уступив своё жилище приезжим. Священник по усталости не говорил им поучения и с трудом мог заснуть.

Вечером 25 октября походная церковь прибыла в город Вилуйск. На следующий день Хитров беседовал с местными священнослужителями, осматривал церковь, встретился с начальником города, от которого узнал приятное известие: начальник посылал к тунгусам казака с донесением, и те согласились доставить походников на озеро Жоссей за значительную, впрочем, плату — 400 рублей ассигнациями. А у Димитрия осталось только 280...

В городе не более тридцати домов, но все они построены со вкусом и расположены правильно. Некоторые размером и украшением мало чем уступают лучшим домам областного города. Верхоянск и Колыма пред Вилуйском — деревни.

Перед выездом в отдалённое местечко здешнего края — на озеро Жоссей — занимались приведением в порядок дорожных вещей. Первого ноября походная церковь на верховых лошадях покинула Вилуйск. Путь проходил через местечки Нарджи, Сахабыт, Тюнь, Баханай, Джукуя, Кюлет, жителей в них немного. В одном месте видели на глубоком снегу следы вышедшего из

берлоги медведя и всю ночь опасались посещения этого неприятного гостя.

От Кюлета путешествие продолжалось на оленях. Рассказы о трудностях предстоящего пути заранее вызывали страх оставить тёплое пристанище и обречь себя на долгую пытку холодом. Но с надеждой на Бога, преодолевающей все трудности, и с верой в его Святое Провидение ступили на трудное поприще священник Хитров и его спутники. А предупреждения о трудностях оказались не напрасными: в первый же день несколько нарт, ударившись о пенёк, развалились. Занимаясь их починкой, не успели засветло доехать до жилья; пришлось ночевать в лесу. Сначала Димитрию даже понравилось их походное пристанище, но вскоре дым, заполнивший весь шатёр, заставил его босиком выбежать на холод. Удалось заснуть только после полуночи.

В местечке Амирджан ночевали в доме якута. Священник спросил хозяина, что за игрушки развешаны вокруг камина. Это не игрушки, ответил тот, а сосуды, в которые весной они наливают домовому молоко и кумыс. Священник посоветовал сжечь все эти сосуды, долго говорил о том, что почитание злых духов противно естественному разуму, поскольку злые духи не могут делать добра. Хозяин слушал внимательно и дал слово не служить более злым духам. Дай-то Бог, чтобы слово не было ложно...

Благополучен был путь до местечка Тюкян, а далее дорога шла по такому густому лесу, что у оленей ломались рога, а под путниками — нарты, однако удавалось за день проходить по 50—70 вёрст. Потом меньше: 40, 35, 30, 25. В густом лесу встретили волчий след, олени перепугались и бросились в лес, изломав нарты. Одна задержка за другой...

Начало декабря застало походную церковь на реке Яките. Миновав реку Силигир, люди были вынуждены идти далее на лыжах по глубокому снегу, то поднимались на высокие горы, то спускались в ужасные впадины. Проводники, как-то помня каждое дерево, местечко и горку, вели их чуть ли не на ощупь. На одном переходе при спуске с горы олени сбили ямщика, прокладывающего дорогу. Нога ямщика попала в копыл нарты; бедный тунгус звал на помощь, нога его в любое мгновение могла переломиться. Хитров подбежал, топором перерубил ремень упряжи, избавив тунгуса от мучения. Однако тот ни встать, ни сесть не мог без помощи.

В густом лесу не было никаких признаков того, что здесь раньше ступала хоть одна нога человеческая; снег становился всё глубже, лыжи так измучили ноги, что люди изнемогали. На Оленёке надеялись встретить местных жителей и получить от них хоть какую-то помощь. И верно: вдали виднелись олени и рыбаки, ставившие сети. Но радость была преждевременной:

встреченные оказались из Туруханского ведомства. Тунгусы же обрадовались тому, что встретили священника, и стали просить окрестить их детей, в числе которых были и 20-летние. Договорились совершить обряд на следующий день в поварне⁷ в 30 верстах отсюда.

Около 20 тунгусов приехали в поварню. После крещения вечером священник беседовал с ними об образе жизни и узнал, что у них всё ещё существует патриархальная простота и дух первых христиан, у которых всё было общее.

И снова в путь по льду небольших речек, снова ночёвки в снегу под открытым небом. Праздник Рождества Христова встретили при озере Укулях. Наконец-то увидели по обеим сторонам дороги множество оленьих следов, а затем и следы от нарта. А вот и люди радостно бегут навстречу. Узнав, что к ним приехал Агабыт, сбрасывают шапки и просят благословения.

В местечке Ялтан, куда путники вскоре прибыли, живут семь тунгусских семей. Местечко на берегу озера с таким же названием, самого большого из ранее встреченных (на 50 верстах — 5 огромных озёр): более 20 вёрст в длину и не менее 10 — в ширину. Все озёра полны прекрасной белой рыбой. Чиров, муксунов, налимов, окуней, щук и других промышляют в большом количестве, и жители никогда не

голодают так, как случалась видеть на берегу Ледовитого моря, на реках Колыме, Индигирке и Яне.

После долгого и трудного пути священнику хотелось отдохнуть, но ялтанские жители просили скорее исправить у них духовные требы. Назначив им встречу на завтра, Хитров обдумывал своё 50-дневное странствие, от которого его в своё время немало отговаривали. Но, привыкнув уже к приключениям подобного рода, он считал задуманное возможным и полагал, что истина любых слов проверяется опытом.

— Господи! Дажь ми кротость и терпение и укрепи мя в малодушии...

А ещё надо было спешить в Жоссей, где походную церковь также ждали. Дорога пролегалa по озёрам и густому лесу и была очень удобна. В сумерках достигли озера, размер которого в темноте был непонятен. Проехав вдоль берега вёрст десять, остановились на ночлег у старшины Михайлы Григорьева. С утра здесь собрались все жители Жоссея. За всё время путешествий по самым отдалённым пределам Якутской области Димитрию Хитрову не доводилось ещё видеть в людях такой радости, как здесь, и сердце его тоже не чувствовало такой радости. Часу в четвёртом пополудни церковь переправилась на другой берег Жоссея, до которого здесь 30 вёрст; кстати,

⁷ В Восточной Сибири — нежилое помещение для отдыха и ночлега путников.

это самое узкое место. Вечером в доме Сергея Дьяконова собралось до 70 тунгусов, на другое утро — до 100. Шёл последний день 1849 года.

В первые дни нового года на службу собиралось от 150 до 200 человек. Соответственно увеличилось число крещений, совершения браков и отпеваний, походная церковь действовала с утра до позднего вечера. 3 января переехали к другому старосте — Игнатию Дьяконову. Накануне по всему озеру лопнул лёд и сажени на две сдвинулся на юг, в сторону протоки, соединяющей озеро с рекой Хотуей. Тунгусы спрашивали у Хитрова, почему это произошло и почему именно вчера, накануне его приезда сюда. Тот сослался на незнание, желая знать их мнение.

— Нет, — отвечали тунгусы, — быть не может, чтобы ты не знал. Ты Христов толмач и знаешь всё на свете!

— Вы знаете, что вода из озера постоянно течёт в Хотую. С того времени, как озеро покрылось льдом, воды много утекло, и лёд, висевший над водой, опустился вниз и сдвинулся по течению. Вот и вся разгадка! А как вы понимаете сие явление?

— Мы не ожидали от тебя такого ответа, — сказал один старик. — И наше понимание совсем другое. Мы думаем, что это произвёл водяной демон, желая воспрепятствовать твоему намерению освятить озеро. И, по нашему мнению, такие явления

влекут за собой какие-нибудь несчастья...

Священник, сколько мог, разъяснял, что эти предположения ошибочны и безосновательны, а вечером предложил старосте сделать из лосиных и оленьих шкур подобие храма, в котором можно было бы в День Богоявления Господня совершить литургию и приобщение желающих к Святым Тайнам. Староста согласился, и к утру храм был готов, причём всё было сделано как надо. Осталось только поставить крест и ограду. Тунгусы сказали, что на этом месте сорок лет назад уже стояла часовня с большим деревянным крестом. А кругом были русские избы, окружённые тыном, остатки которого видны и теперь. Поэтому местечко и называется Нучаодвордах (русский двор).

— А где же хозяева тех домов, кто они такие и почему скрылись?

— Старики рассказывали нам, что их порезали туруханские тунгусы, именуемые тигилях сырьйдах (с шитыми лицами). Русских было более 70 семей, и никто не остался в живых. Когда дикари закончили кровожадную сечу и стали возвращаться домой, увидели мамонтов рог, высунувшийся из-под льда. Тотчас бросились рубить эту кость, а когда срубили — кровь выступила из рога, отчего лёд разломался и все погибли, кроме одного тунгуса. Он спасся от

смерти с двумя оленями, а потом рассказывал о случившемся.

— Откуда же пришли эти русские? — с любопытством спрашивал Хитров.

— Они пришли с моря по рекам Ламе и Хотуе. Там по сию пору есть такие же кресты и развалины русских домов. Старики рассказывали нам, что эти русские бежали от русского царя. А на другой стороне Жоссея есть местечко, именуемое Нучаочёго (русское пепелище), где также видны следы русских жилищ. Верстах в двух от Нучаочёго с незапамятных времён стоят могильные холмики с крестами в таком множестве, что ступить некуда...

Кроме исполнения обычных треб, пришлось заниматься спорным делом о том, кому должны принадлежать дети, родившиеся вне брака, а на следующий день Хитров посетил Нучаочёго. Здесь теперь живут 7 семей тунгусов. Несколько деревьев, склонённых друг к другу и засыпанных смёрзшимся снегом, — вот и вся бедная хижина.

Продолжая объезд озера, священник добрался и до местечка Сикиликан-Тёрде, где жители живут до 10 семей тунгусов, а в местечке Сордоннох посоветовал построить часовню. Зажиточный тунгус Сергей Дьяконов вызвался сделать это. Поскольку всё кругом покрыто льдом, решено было построить часовню напо-

добие якутской юрты. Приезжали из отдалённых мест новые и новые семейства тунгусов, из-за чего пришлось задержаться ещё на несколько дней. Только 17 января переправились обратно через Жоссей, причём очутились не там, где хотели. Утешали себя надеждой, что трудное начало пути облегчит его в будущем.

Оказавшись снова в Ялтане, хотели обогреться, но все жители откочевали по причине набега волков. По этой же причине и Хитрову со спутниками надо было спешить, опасаясь лишиться оленей. Ночью волки угнали пять оленей, удалось отыскать только трёх.

С 23 января по 24 февраля на пути не попался ни один человек, кроме встреченных на реке Чилле двух тунгусских семей, одна из которых просила вернуться обратно вёрст на 80 и отпеть их умершую родственницу, а другая неотступно просила ехать вперёд на 70 вёрст с той же целью. Священник не мог отказать ни тем, ни этим...

25 февраля доехали до первых жителей, но переночевать у них не удалось: олени убегают от домашних животных, поэтому пришлось провести ночь опять в кожаной уросе⁸. 1 марта доехали до местечка Пахоча, где отдыхали, и 5-го отправились в путь по направлению к Жиганску. В местечке Арылах-Кюёль ночевали у тунгуса Прокопия Иванова,

⁸ Здесь — переносное укрытие из шкур животных типа палатки. В походном журнале иногда именуется шатром.

который подрядился довести до самого Жиганска. В местечке Жилинда священник освятил недавно построенную часовню, предварительно разъяснив хозяину дома, в котором ночевали, что Бог един, а то хозяин был уверен в обратном.

Следующую ночь провели в местечке Кендуин в своём шатре. Продолжили путь в сильную пургу, сделавшую невидимой дорогу, однако ехали без особых приключений. По речке Толык достигли Лены и далее двигались по ней; дорога была очень неудобна по причине торосов, но прибыли в Жиганск 12 марта часу в 10-м пополудни. Жиганск состоит из трёх или четырёх жилых домов. В течение трёх дней Хитров ревизовал церковные дела и имущество, о чём рапортовано его высокопреосвященству особо (дальнейшие листы путевого журнала утрачены).

3

— В четыре часа вечера, помолвившись Богу, мы оставили Якутск и благополучно прибыли в местечко Ярмарка, где, кроме перевозчиков, не было никого, — так начинается путевой журнал походной Благовещенской церкви с 29 сентября 1851 года по 21 июля 1852 года. Снова отсчитываются вёрсты пройденного пути от ночёвки до ночёвки: 10 вёрст, 15, 35, 50, снова 15, зато на следующий день — все 60 вёрст... Снова идут друг за другом эти странные для слуха,

но уже привычные названия местечек: Турьялах, Менкере, Кусаган, Борогонское, Тармыттар, Чебара, Эли, известно также как Алдан... Снова встречи с редкими жителями этих пустынных мест, крещения, молебны, браки, водосвятия, исповеди, бдения и литургии...

Снова болота, топи и полузамёрзшие грязи, из-за которых случаются задержки. Мокрый снег по утрам и холодные ночи. Впрочем, это всё уже привычно. В десяти верстах от Алдана есть часовня, в которой священник хотел отслужить литургию, но она закрыта, а ключ у головы, который живёт в 60 верстах. Вечером в юрте собралось много народа. Хитров сначала предложил трапезу, а потом спросил:

— А что вы думаете о сотворении мира и человека?

— Не знаем...

Однако он уже знал, что якуты имеют на этот счёт своё мнение, но национальная гордость запрещает им высказывать его из опасения быть осмеянными. Сам рассказал о грехопадении людей и добавил, что спасутся лишь только верующие во Христа и запечатлевающие веру в него Святым крещением. Якуты, по их обыкновению, согласно поддакивали, а по окончании беседы кто-то сказал, и другие были с ним заодно:

— Так вот почему мы называемся христианами и почему правительство так сильно заботится о приведении нас к Святому христианству!

И все начали креститься и класть земные поклоны. Священник был рад и тому, что якуты хорошо понимают, когда он говорит на их языке.

При переправе через реку Алдан путники могли погибнуть среди льдин, и это была далеко не единственная трудность на совершенно новом для них пути по направлению к Верхоянскому хребту: горные каменные речки, отсутствие корма для лошадей, глубокий снег, холодные и неустроенные поварни, в которых ночевать всё-таки лучше, чем под открытым небом...

На самой высокой точке Верхоянского хребта — большая куча камней, на которых проезжающие приносят жертву горе за благополучное путешествие. Как трудно было подниматься сюда, так трудно и спускаться по другому склону хребта. 10 октября, утром, пришёл к путникам якут, которому все обрадовались как родному. Начали спрашивать, кто он и куда идёт. Тот отвечал:

— Живу здесь неподалёку, занимаюсь рыбным промыслом. Жалею, что не знал вчера о вашем приезде. А теперь я пойду домой и буду ждать вас к себе.

На берегу реки Барда, в полуверсте от дороги, виднелся шалаш, покрытый мхом; рядом тот самый якут с женщиной и мальчиком лет трёх. Исповедав их, отправились дальше и к вечеру прибыли в юрту, где было уже человек 11. На следующий день из-за снежной вьюги сбились с дороги, с трудом добрались до

местечка Барылах. В декабре дорога становилась всё труднее, горы всё круче. Ноги совсем окоченели. Холод перехватывал дыхание, лошади тоже задыхались. Особенно трудно стало после Кунаха: холмы, овраги, высокие горы, глухой лес, в котором одни закуржавевшие берлоги свирепых медведей. Мороз за 40 с восточным ветерком. Ремни упряжи на лошадях ломались, ямщики перемёрзли больше всех, а до местечка Асат ещё более 40 вёрст. Добравшись до него, уснули прямо в дорожной одежде: не было сил ни раздеться, ни поесть.

В одном месте священник говорил проповедь против пьянства (поводом к ней стало состояние многих дожидавшихся его). Хотя все слушатели и соглашались с ним: «Точно так, правду говоришь!» — но Хитров был уже достаточно опытен, чтобы знать: радоваться рано, якуты не вникают особо в пастырские наставления и поддакивают просто для вида. Приходилось заниматься и делами вполне мирскими: мирить поссорившихся соседей и родственников, напоминать детям об обязанности заботиться о родителях. При большом собрании людей — человек 25 — посоветовал им иметь у себя восковые свечи для молитв и праздничных дней. Все молчали, а хозяин дома, жалея денег, сказал:

— Я много дал денег в помощь церквям, а пользы нет! — И рассказал случай: один тунгус

передал церкви 200 оленей, а сам оказался в такой бедности, что умер от голода. С укоризной спросил:

— Хорошо ли это?

— Бесподобно, — ответил священник, — его жизнь есть истинный образ жизни Иисуса Христа, который не имел где главы преклонити. — И рассказал притчу о богатом юноше, ради богатства не пожелавшем следовать за Христом. — А поступок тунгуса достоин похвалы, и Бог даст ему жилище вместе с праведными.

Старик из зависти закричал:

— Неправда, он был грешник!

Последовала другая притча — о мытаре и фарисее, а от себя Хитров добавил, что несправедливо называть человека грешным, не зная чистоты души его. Старик пустился доказывать, что все бедные — грешники, воры, моты и так далее.

— А вот я хоть и достаток имею, да не грешу!

Священник снова повторил притчу о фарисее, а потом рассказал о бедном Лазаре и его участи на небе. Рассказал о Страшном суде и привёл слова Грядущего: «Идите отъ Мене проклятии... взалкахся бо и не даете Ми ясти... наг быхъ и не одеяете Мене» (Матф. 25. 41—43).

На старика сильно подействовали сии грозные слова. Он сказал:

— Дайте мне свечей и ладану, я во все праздники буду зажигать свечи и молиться Богу!

В конце беседы признался:

— Я много творю грехов и даже рассказать о них не могу, потому что сегодня делаю и тут же забываю...

— А ты каждый вечер думай, что сделал за день доброго и худого. За доброе благодари Бога, за худое проси у него прощения. Молись до тех пор, пока сердце твоё не успокоится.

После такого разговора сердце священника было исполнено духовной радости, и в течение ночи он и во сне, словно наяву, продолжал говорить поучение.

17 декабря отправились обратно в Верхоянск и были в нём 22 декабря. Здесь встретили новый 1852 год, и до 14 января Димитрий Хитров участвовал в службах в городской церкви, а затем продолжил путь. По причине глубоких снегов пришлось терпеть жестокое мучение: к вечеру не всегда удавалось достичь какого-либо жилища, и ночевать надо было на снегу под открытым небом.

В Тахтайдахе священник посетил дом местного шамана Чукурова. Он, по обыкновению, носил длинные волосы. Хитров спросил:

— В чём состоит шаманство и что ты говоришь во время его?

— Когда нас призывают к больному, то мы обыкновенно отгоняем злых духов от него.

— А бывает ли польза от вашего призывания?

— Нет.

— Зачем же ты занимаешься этим делом?

— Из-за куска хлеба...

Священник просил шамана оставить это служение дьяволу, и тот обещал.

В феврале 1852 года после местечка Кубалах дорога была чрезвычайно снежная, и в течение пяти суток не встретились ни жильё, ни люди. Ямщики давно уже уговаривали Хитрова повернуть назад, но он, помня наставления преосвященного: преодолевать любые трудности и побывать в самых отдалённых местах, — твёрдо стоял на своём. Сильный ветер ревел в ущельях гор. Люди шли на лыжах, а со склонов просто скатывались катом. Кроме оленьего мха, для лошадей не было никакого корма. Но тем не менее путники продвигались вперёд каждый день на 60, а то и 70 вёрст. И только в конце месяца в местечках Когастох, Джогах, Тыллах начали встречаться якутские поселения с 8—15 жителями.

В марте походная церковь прошла 675 вёрст. На одном из переходов утром, после пурги, малость просветлело, и на небе видно стало прекрасное явление: солнце окружено как бы двумя радужными кругами, а кроме этого, один белый круг проходил через само солнце, склоняясь на запад.

На службах, кроме якутов, были русские, юкагиры и ламуты. Посетили Устьянский острог, в нём не более пяти домов, но путникам показалось, что тут целый город. Это потому, что при каждом доме до пяти амбаров с собачьим кормом. А до этого

священник исповедал семейство заражённых дурной болезнью, дал свои наставления. Не первый раз приходилось ему встречаться с подобным, но впервые видел лицо якута, сгнившее до того, что остались только зубы и глаза...

В апреле пройдено 1385 вёрст, несмотря на поломку трёх нарт в начале месяца и пургу: дни стали длиннее, погода улучшилась; удалось достичь реки Большая Чукоча. Памятной оказалась беседа с юкагирами в местечке Яков мыс. Благочестие в их душах проявилось в том, что они говорили:

— Народ сделался ныне хуже волка и скота, за что и терпит от Господа гнев. Лет десять назад якуты и русские на озере неподалёку за один день убили несколько тысяч диких оленей. При таком изобилии они не умели ценить благодати Божией: снимали только шкуру, а мясо бросали на съедение червям. Такая неблагодарность раздражила Всевышнего, и с тех пор он не только не посылает нам оленей, но и озеро само высохло...

Такие речи священнику очень понравились, и он говорил с ними до утра. Здешние юкагиры прекрасно говорят по-русски.

В начале мая достигли пределов Колымского округа. Поднимаясь по реке Колыма, добрались, сменив собачьи упряжки на лошадей, до Среднеколымска (695 вёрст). Хитров впервые за весь путь простыл и тяжело болел, но, как только смог,

совершил в день Святой Троицы литургию. Обратил внимание на то, что в здешней церкви есть древний антиминос⁹, освящённый митрополитом Сибирским и Тобольским ещё в 1701 году. А на берегу реки до сих пор видны развалины кочей¹⁰, которые строили князья, бежавшие от казни царя Иоанна Васильевича Грозного. Хитров заинтересовался этим делом, и местный священник Сивцев обещал доставить ему все сведения.

До конца мая походная церковь продвинулась ещё на 220 вёрст. 27 мая впервые в жизни Димитрию довелось видеть, как солнце и ночью не скрывается за горизонтом. Оно около полуночи становится багровым, а потом снова светлеет и поднимается над горизонтом. Последняя майская ночёвка была на озере Мураж на открытом воздухе.

В июне и июле пройдено 2190 вёрст, в основном через озёра и речки, в одной из которых чуть не утонул дьячок, а ямщик, оставшийся с кладью, мог погибнуть от медведя. Начались дожди, 15 июня в первый раз гремел гром. А 17-го на перевале в горах выпал снег, в Зашиверске, где к тому времени были путники, град покрыл землю.

Ямщики в дороге свистели, и Димитрий заинтересовался:

— Зачем вы свистите?

— Ветер накликаем...

Это показалось ему смешным, он посоветовал не свистеть, а молить Бога; а свистом можно только разгневать его. И верно: вместо ветра вечером появилось столько комаров, что никому не было покоя. В конце июня зной в лесу необычаен, а вершины гор ещё покрыты снегом. Снег тает, вода с шумом низвергается вниз, ветер шумит, и это по-здешнему считается за счастье, потому что нет комаров и оводов.

Потом пошли дожди, вода в реках поднялась. Очередная встреча с медведем закончилась благополучно. 1 июля походная церковь прибыла в город Верхоянск, в последующие дни совершала выезды в окрестные местечки. В одном из них, в 110 верстах от города на реке Адыче, жила большая якутка. После соборования стала просить сразу же отпеть её. Священник убеждал, что живых не отпевают, однако...

— Мы живём далеко от города и священника; освяти хотя бы землю, где положат моё тело по смерти.

— Это возможно...

21 июля ехали по лесистым местам, к вечеру прибыли на Алдан, ночевали на 8-м Тумусахе, где на другой день крестили

9 Четырёхугольный плат из шёлковой или льняной материи со вышитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика, лежащий в алтаре на престоле; является необходимой принадлежностью для совершения полной литургии. Одновременно является также документом, разрешающим совершение литургии.

10 Коч — однопалубное деревянное морское парусно-гребное судно.

двух младенцев и служили молебн (дальнейшие листы сего путевого журнала утрачены).

4

Следующий журнал охватывает период с 21 августа по 3 ноября 1852 года. Маршрут начинался в Якутске и, в отличие от предыдущих, был сначала водным: предстояло плыть по Лене на каюке¹¹ около 700 вёрст. Задача же — посетить Жиганский приход, занимающий обширнейшее пространство. Священник Жиганской церкви ежегодно с 1 ноября до середины марта объезжает свою епархию, но не успевает посетить всех; некоторые прихожане не видят его по году и более. Ему уже за 70 лет, и Хитров, учитывая столь почтенный возраст, решил посетить с походной Благовещенской церковью самые отдалённые пункты прихода.

От себя же добавим: если кто из читателей всё же решил, что перечень опасностей, происшествий и новых путевых впечатлений уже исчерпан, то он ошибается и на этот раз...

В первые дни удавалось преодолеть не более 30 вёрст: мешал встречный ветер, а ночью к тому же следовать небезопасно по причине множества островов и мелей. Поэтому все улунские и устьянские судоходы от Якутска до Жиганска на ночь не пу-

скаются в путь. После Жиганска же и ночью плавать безопасно, потому что Лена там глубока и острова очень редки.

В один из первых дней плавания одна женщина прямо на каюке разрешилась от бремени, и священник тут же провёл крещение. Другое происшествие связано с густым туманом, из-за которого каюк сел на мель. За 40 вёрст до устья Алдана видны стали горы, покрытые лесом, а за ними — гряда высоких снежных сопков. Восточный берег Лены здесь возвышенный и каменистый, а вода мутная, как разведённая глина. Миновали устье Вилюя, который впадает в Лену с запада тремя рукавами. Ниже на Лене множество островов, а ширина реки — до 15 вёрст. При попутном ветре под парусом за день удавалось проплыть до 170 вёрст.

На одном из островов увидели рыболовов и пристали к берегу. Их жилища в полном смысле слова убоги: три хижины состоят из тонких жердей, поставленных конусом и покрытых древесной корой. На лабазах висит сушёная рыба, а из ям отвратительно пахнет сырой рыбой, именуемой аргыс. Священник провёл исповеди и окрестил троих детей, одному из них было больше 10 лет.

Огромный утёсистый остров возвышался над водой сажен на 30. Во времена шаманства этот остров наводил ужас на всю

¹¹ Одномачтовое парусно-гребное судно для перевоза грузов на реках (устар).

округу: здесь жила злая шаманка Аграфена Страшная. Некоторые до сих пор приносят ей жертву, чему Хитров сам был свидетель. Его просьбы отказаться от этого обычая оказались бесполезными: суеверия были сильнее.

3 сентября при попутном ветре прибыли в Жиганск. В нём не более 8 домов, включая якутские юрты, но они все пусты; кроме служителей церкви, живут здесь отставной чиновник и мещанская вдова. Весь день шёл дождь со снегом. Следующая остановка и ночёвка были через 80 вёрст на острове Хорончо. Здесь живут два семейства, одно тунгусское, другое якутское. Вечером на каюк пришли до 10 человек и принесли в подарок любимую ими юколу (сушёную рыбу) и тот самый аргыс. Хитров, не перенося отвратительного запаха, хотел отказаться от подарка, но ему объяснили, что это очень оскорбит радушных тунгусов. Делать было нечего. Пришлось принять, а в ответ угостить их сухарями и чаем, до которых они большие охотники. И в качестве пищи духовной провести беседу о том, почему в некоторые годы Господь награждает нас избытком рыбы, зверей и птиц, а в иные нет; почему одни страны имеют эти дары, а другие нет.

На другой день ветер изменил направление и стал таким сильным, что грозил разбить каюк о берег. Опытный лоцман поднял парус и отправился на поиски безопасного места. Такое нашлось верстах в трёх выше по

Лене; в глубоком заливе бросили якорь и ночевали. Ветер стих, и плавание продолжилось, пока северный ветер опять не поднял большие волны. Снова искали укрытие от них.

12 сентября на небе впервые показался месяц. Путники хотели остановиться в Сиктяхе, где была часовня, но пал такой густой туман, что не видно было не только берегов, но и предметов на судне. Быстрое течение несло каюк несколько часов, а когда туман рассеялся, оказалось, что Сиктях остался в 20 верстах позади.

16 сентября Хитров с товарищами прибыли в Булун, где они должны были дожидаться зимнего пути по суше. Булун — деревушка из 15 домов, построенных на якутский лад. Устьянские и другие торговцы здесь выгружают товары и оставляют на зиму свои суда, а сами отправляются в урочища к якутам и тунгусам. В здешней часовне священник проводил службы и учил детей молитвам на якутском языке; некоторые показали удивительные успехи. Ездил верхом на олене на исповедь к больному, хотя не мастер такой езды. Самое худое время: земля замёрзла, а снега нет нисколько. Обратную дорогу шёл пешком.

С 1 октября Лена покрылась шугой, и начались приготовления в дорогу: заказали несколько нарт со всем необходимым, велели сшить из оленьих шкур уросу для ночлега вне жилья. 10 октября лёг настоящий снег, и 14-го

начался дальнейший длинный и многотрудный путь. Утром все домохозяйева посадили собак на цепь, чтобы те не бросались на оленей. К обеду нарты были готовы, и походная церковь выступила в путь по западному берегу вниз по Лене. Каменные утёсы возвышались над Леной, дорогу преграждали огромные кучи камней и глыбы льда. Несколько якутов и тунгусов пешнями и топорами проделали проход, сокрушив хрустальные пирамиды.

Часу в седьмом прибыли в Аякат-Тёрде. Жилища здешних тунгусов плохи, и они приготовили для священника отдельное, однако тот нарочно посетил их, доставив тем самым большое удовольствие хозяевам. Удивительно на самом деле, как бедность свыкается со всеми лишениями, голодом и холодом. Хижины устроены из тонких жердей, поставленных в виде конуса и покрытых древесной корой. Вверху отверстие, но дым плохо шёл в него и расстилался по всему пространству. Полуобнажённые дети сидели на мёрзлой земле и держали в руках юколу — сушёную рыбу. Ещё более удивительно то, что эти бедняки вполне довольны своим положением и как бы не замечают никаких лишений. Они говорят:

— Буил балыган Тагара бердя бисыха, бисиги бай чжон одоробут (На сей год Бог дал нам рыбы, и мы народ богатый).

На другой день были в местечке Бырдахтах, где живут в

одной юрте два семейства тунгусов. Весной здесь свирепствовала корь, истребила много народа, и тунгусы обрадовались приезду священника: их умершие родственники до сих пор не отпеты. Болезнь оставила малых сиротами, а старых — беспомощными. Сочувствуя до глубины души их скорби, Хитров был тронут несчастьем и подал им христианское утешение в виде проповеди, доступной и чувствительной для слушателей.

Дорога на Аякит-бас пролегла по высоким тундровым горам. До полудня погода была тихая, и путники любовались стадами диких оленей, мчавшихся в разных направлениях на расстоянии меньше ружейного выстрела. Хитров размышлял о Божией премудрости, наделяющей каждый край своими богатствами. Действительно, в стране, лишённой почти всякой растительности, человек не смог бы жить, если бы не было стад оленей и множества рыбы.

Часу во втором поднялась сильная пурга. Ямщики подгоняли оленей, но скоро те выбились из сил и остановились. Стало так темно, что с нарт не видно оленей. Путники собрались все вместе, связали нарты и пытались понять, где они находятся. Несколько человек пошли вперёд, на ощупь исследуя путь. И вдруг поняли: они находятся на самом краю обрыва высотой сажен в 50! И если бы передовой олень ступил ещё несколько шагов, то

прости-прощай для всех, белый свет! Видно, сам Господь избавил их от неминуемой смерти. Молодой тунгус сказал, что он понял, где они оказались, и что надо вернуться назад вёрст на 10. Потом оказалось, что пройдено около 30 вёрст лишнего пути. Поздняя ночь и усталость лишили священника возможности предложить проповедь встретившимся им тунгусам.

Дальнейший маршрут по направлению к реке Анабара пролегал через Галимар, Булункан, Толобок, Нос, Арыньогорбут и другие урочища, в которых жили по 2-3 якутские семьи, а чем дальше, тем чаще попадались пустые разваленные юрты. В одной из них Хитров предложил остановиться, но ямщики были согласны скорее умереть от холода, чем ночевать здесь: в развалинах живёт дьявол. Якобы он поселился в них после того, как корь опустошила жилища.

Вёрст через пять стали встречаться олени следы и санный путь. Дальше видят путники: бедный якут сломал юрту, потому что в ней умер его семилетний сын, а сам строит новую в другом месте. Старая разрушена, у новой нет ни стен, ни очага, ночной холод проникает до костей и выжимает слёзы. У священника вызывает слёзы сожаление о неистребимом суевении...

В местечке Эльгамя после поучения один якут заявил, что все хотят принять Святое причастие именно от священника Хитрова (он и сам ранее слышал об

этом неоднократно), потому что в этом случае все живут долго и здоровы, а причастие от других полезно только умирающим. Такое невежество оскорбило его сердце, и он доказывал, что дары святы и спасительны независимо от того, кто их преподаёт. И что всякий, имеющий такое понятие о Святой Евхаристии, смертно грешит.

В урочище Билир тунгусский староста Корякин просил посетить его больного сына, с головы до ног покрытого ранами и жившего отдельно. Ужасное зрелище представилось священнику: больной лежал в холодной и дымной уресе, покрытый только оленьей шкурой, от смердящих ран шёл зловонный запах; умирающий сказал, что с охотой желает оставить свет сей и просит только об одном — об исповеди и приобщении Святых Тайн. Хитров выполнил последнюю его волю и, как мог, утешил.

Последние дни октября походная церковь шла по речке Ундже, места были совершенно безлюдными. В Чопо-Бела ямщики заявили, что дальше этого урочища они не бывали и дороги не знают. К счастью, на следующий день через 10 вёрст стал виден свежий санный след, который привел в урочище Тюгях, где в двух юртах жили до 30 человек. В следующем урочище Гаврига жили до 50 человек и стояла часовня, в которой священник намерен был служить литургию и приобщать Святых Тайн здешних и окольных жителей.

Очередной путевой журнал прямо продолжает предыдущий и охватывает события с 26 ноября 1852 года по 25 апреля 1853 года. Из-за пурги удалось выехать только 30 ноября. По реке Оленёке и тундре, перевалив затем через горный хребет, вышли к берегу Ледовитого моря и от устья западного протока Лены начали поездку по островам. Долго блуждали в темноте ночи по ледяному пространству и, наконец, попали на первый с названием Дусаалганнах, где и ночевали. Переехали на соседний Белькой, где была часовня и жили до 100 якутов. Проведя службы, хотели ехать на остров Булун, но сильный ветер воспрепятствовал этому. Дождались затишья и сумели добраться до острова Чорогой, а на Булуны были только 5 декабря. Здесь тоже есть часовня и живут более 100 якутов. В трёх днях пути — Быков мыс, куда надо было попасть. Погода тёплая и безветренная, но ямщики уверяли, что ехать нельзя: ударит сильная встречная пурга, а на ста верстах пути нет никакого убежища. Однако Димитрий не внял их убеждениям. И только вступили в обширнейший правый проток Лены, как закипела такая буря, что с нарты не стало видно собак. Ямщик погонял их изо всех сил, и вдруг на нарте лопнул потяг (ремень, в который запрягаются собаки). Они мгновенно потерялись из виду. Более получаса Хитров с

ямщиком сидели на нарте среди бескрайних снегов с горькой думой. Наконец ямщики с другой нарты поймали собак и привели обратно. Проехали ещё 20 вёрст, надеясь, что пурга стихнет, но она только увеличивалась, и пришлось вернуться на Булун.

Пока свирепствовала пурга, священник читал с утра до вечера Книгу деяний апостольских на якутском языке, дабы не быть в праздности. Ночью пурга стихла, и в третьем часу пополудни двинулись в путь по необитаемым островам Ленского лимана Барчу, Чолобой до острова Зимовий, где живут якуты, посадские крестьяне и юкагиры и есть часовня. Суточные переходы составляли от 70 до 100 вёрст. Службы проводились при большом скоплении народа: заранее прибывший нарочный известил всех о визите священника. После поучения о сотворении мира, человека и прочих тварей Хитров решил поинтересоваться, что сами слушатели думают об этом, однако безуспешно: якуты всегда поддакивают тому, с кем разговаривают. Скажете о предмете, что он хорош, вам скажут «да»; скажете, что плох, — тоже услышите «да». Этот дух гордости или скрытности не позволяет искоренять их суеверия и утверждать истинную веру. Якут выведает от вас всю подноготную, но его душа недоступна, заперта для всех.

14 декабря погода была прекрасная, какой только она может быть в подполюсной стране

в зимнюю пору. На небе кое-где бледно блистали звёздочки (видеть звёзды днём здесь не редкость). Горизонт безоблачен, лишь с южной стороны над высокими горами опытный глаз мог заметить нечто, похожее на туман. Но местные жители (в тепле сваренные, в холоде замороженные, как здесь говорят) уверяли Хитрова, что через несколько часов начнётся самая сильная пурга. И они снова оказались правы! К счастью, непогода застала путников в хижине. Только они вошли в неё и развели огонь, как во дворе зашумело. Ямщики спешно стали собирать все кушаки и верёвки. Оказалось, они торопились закрепить нарты, чтобы ветер не унёс их куда попало. А ещё верёвка нужна, чтобы вышедший за двери человек мог вернуться обратно. Вообще здешние пурги может понять только тот, кто испытал их на себе; любое перо здесь бессильно. Они похожи на ледяной ад, наполненный кипящим снегом, песком и камнями.

Эта пурга задержала больше чем на пять суток. Вернувшись на материк, походная церковь проследовала в урочища Тасары, Кумах-сун, Станках и снова вернулась на остров Булун уже во второй раз. 29 декабря на рассвете послышались крики людей, собаки выли как никогда громко. Хитров выбежал на улицу и увидел пламя, охватившее чей-то амбар.

— Церковь горит! — раздался крик. Священник побежал к часовне. Она была уже наполнена дымом. Пришлось проломить окно в алтаре, чтобы забрать оттуда антиминос и церковную утварь. К счастью, успели. А когда стали выяснять, откуда дым, оказалось: лопнул печной глиняный под, основание печи начало гореть. Её быстро разобрали, и часовня, благодарение Богу, осталась целой. Так закончился этот трудный, полный испытаний и тревог 1852 год.

В январе и феврале, покинув Булун, походная церковь следовала вверх по Лене: Абалакан, Селеенча, Сиктях, Укрдюк-хая и другие. В Сиктяхе впервые над горизонтом показался край солнца; здесь же пришлось задержаться на день из-за пурги. После устья реки Хоронку дорога шла по такому густому лесу, что вся одежда на путниках была изорвана. К тому же снег глубокий и рыхлый, а спуски и подъёмы необыкновенно крутые. В темноте путники сбились с дороги, настроились уже ночевать на снегу, но шагах в ста показался огонёк: это была та самая тунгусская юрта, которую они искали. Трудно объяснить радость встречи тем, кто не испытал подобных приключений...

29 февраля прибыли в Виллойск. По причине болезни Димитрия Хитрова пришлось прожить здесь до 22 марта. Столь продолжительная остановка происходила впервые, хотя болезненное

состояние упоминалось и ранее. На этот раз, похоже, всё было очень серьёзно. Но священник и здесь не терял времени: перевёл на якутский язык некоторые места из Святого Писания, а также привлёк к переводу здешних церковнослужителей, знавших якутский язык.

В последние дни марта продвижение вперёд затруднялось тем, что походникам давали таких тощих лошадёнок, что они едва могли тащить даже порожние сани. Вот что значит зимняя бескормица. Люди шли пешком. Вдобавок одна лошадёнка так лягнула ямщика, что он повалился замертво на снег. Более часа лежал без движения; наконец, начали судорожно двигаться руки, стало глубже дыхание, вернулась речь. На руках отнесли его в ближайшую юрту и оставили там. Сами целый день шли пешком и прошли только 30 вёрст. Пришлось нанимать в подводы не только лошадей, но и быков и даже коров...

Те же самые трудности продолжались и в апреле. С трудом добрались до Олёкминска, а оттуда на почтовых в Якутск, где были 25 апреля.

6

Отправляясь в поездку с 18 октября по 28 декабря 1854 года, священник Димитрий Хитров учёл предыдущий опыт; кроме того, походная церковь уже имела своих постоянных прихожан,

с которыми, встретившись однажды, договаривались о времени и месте встречи на будущий год. Зная, что тунгусы на зиму перекочёвывают ближе к селениям якутов, он намеревался сначала осмотреть церкви Виллойскую, Нюрбинскую и Сунтарскую, а затем через урочище Мегижек проехать к тунгусам Шолоханского наслега (около 140 вёрст на север от Нюрбы), через Кюлет, Мастах и Алаинду проникнуть в Конору, Бурит и Жиганск. Отсюда воротиться по другим урочищам к жахутским тунгусам, от них спуститься к Лене в 40 верстах выше устья Виллоя к лимухинским тунгусам и от них через Намскую церковь вернуться в Якутск.

Причём это последний сохранившийся журнал походной церкви, который оказался в нашем распоряжении, так что на него возлагались особые надежды. И сразу же скажем: эти надежды полностью оправдались...

В первый день ехали по Виллойскому тракту на обывательских лошадях с платежом прогонов. Следом за походной церковью шла почта, из-за чего возникло немало затруднений: на станциях держат не более двух пар лошадей, а для церкви и почты нужны по крайней мере три. Поэтому ехали и на быках, и на коровах, как уже случалось. После Виллойска ехали вместе с чиновником уездного окружного управления. Он направлялся для производства следствия по

какому-то делу и, как якутский уроженец, говорил по-якутски даже лучше, чем по-русски. Вечером священник начал читать Евангелие на якутском языке, слушатели удивлялись, что он говорит, как природный якут. Хитров же был особенно рад тому, что слово Божие народ воспринимает на своём родном языке, а для себя сделал вывод: в переводе есть недостатки, отчего некоторые места понимаются с трудом и нуждаются в дополнительном разъяснении.

Проведя ревизии намеченных церквей, священник начал объезд тунгусских селений. В доме старосты Ивана Алексеева его ждали, собралось человек 50. Окончив чтение главы из Евангелия, спросил, понимают ли они то, что слышат.

— Как не понимать, батюшка, совершенно понимаем! — отвечал старший.

Дьячок усмехнулся:

— А спросите-ка его, батюшка, о чём вы сейчас читали?

Хитрову самому хотелось задать такой вопрос, но тут подали чай, и вопрос пришлось отложить. За чаем хозяин дома начал пересказывать своим домашним содержание беседы и так основательно объяснил смысл выражения «прежде даже не снится има», что священник тут же укорил дьячка за его несправедливое суждение о тунгусах. А потом попросил хозяйина ещё раз повторить сказанное при всех, и тот сделал это как истый проповедник, а в завершение, вздохнув, сказал:

— О, если бы Господь всегда сподоблял нас слышать его божественное слово на нашем родном языке!

Ещё Хитров заметил, что в его переводе надо устранить неточность и одно слово заменить другим.

Осматривали строящуюся часовню на реке Дальыр. Стройка идёт уже шестой год, и причина не только в ограниченности средств, но и в просчётах строителей. Якут Донской, взявшийся за это дело, построил огромную колокольню, но бревна, чтобы колокола подвесить, сделать не догадался. А вообще часовня может со временем стать церковью, только надо поднять потолок, под нижние балки подвести стойки, а стены внутри обшить тёсом. Сделав эти замечания, Хитров приказал непременно закончить постройку к лету 1856 года.

В один из дней, читая главу из Евангелия, священник пожалел, что до сих пор нет ничего печатного на якутском языке, потому что все они с неопишуемой охотой слушают, когда им читается слово Божие на их языке. Ещё он заметил: чем больше трудится, проводя многочисленные исповеди, крещения, отпевания и другие службы, тем лучше чувствует себя, тем радостнее восторг, охватывающий его душу. У него как никогда хорошо получалось изложение учения о Боге в самых простых словах: Богом всё сотворено, от Бога мы получили жизнь, Бог посылает нам

пищу в лесах, озёрах и реках; он же и лишает нас этих благ и даже посылает на нас несчастье с той целью, чтобы мы не забывали Бога и обращались к нему с молитвой о своих нуждах.

Хитрова не пугали никакие трудности и неудобства пути по малонаселённой или совсем безлюдной местности. Тунгусы круглый год живут в уросах, которые летом могут быть вполне сносны и даже удобны, но зимой жить в такой уресе — сущее наказание: она засыпается снегом, следовательно, настоящего тепла в ней быть не может; посреди горит костёр, а под ним дымится мох, отчего все тунгусы страдают болью в глазах и нередко, не достигнув старости, лишаются зрения. Но ведь он сам родился и вырос в русской дымной хате! А за годы путешествий привык и к дыму, и к холоду, так всю зиму 1849-1850 годов ночевал в тунгусской уресе.

По пути к Жиганску остановились в тёплой якутской юрте, полной народа. Тунгусы один за другим подходили к священнику, кланяясь до земли. Хитров расспрашивал их, кто где кочевал, на каких речках и в урочищах летовал. Тунгусы удивлялись тому, как хорошо он знает все места. А главное: они встречались как старые знакомые, не первый год знающие друг друга, как друзья и родные люди, а это особенно бывает приятно — встретиться здесь с другом и родной душой.

В урочище Чечиндя священник читал тунгусам главу из Евангелия, и те высказали сожаление о том, что больше никогда ни от кого не услышат эти слова на их родном языке. Хитров уверял, что они вскоре будут иметь священные книги на якутском языке, которые может читать всякий грамотный, что службы церковные также будут проводиться на их языке.

Последняя за эту поездку служба проходила в тунгусском стойбище на речке Юрюкан. Тунгусы встретили священника на восточном берегу Лены возле устья Юрюкана, по обычаю своему кланяясь в ноги. Сопроводили до стойбища, все 30 вёрст полного бездорожья несли на руках иконы, ризы, книги и другие предметы, причём из уважения к ним шли с открытыми головами, несмотря на сорокаградусный мороз. Проводя всеобщее бдение по случаю приближающегося Рождества Христова, Димитрий Хитров и сам был тронут до глубины души тем, как тунгусы молились с полным усердием. Служение в этой пустынной куще казалось великолепнее, чем в любом храме. В дремучем лесу, где очень редко ступает нога человека, полудикие племена встречают великий праздник чисто по-христиански и с таким благоговением, которое и у образованных людей нередко заменяется суетой сует и всяческой суетой...

— Поэтому ещё до праздника я преисполнен был духовной радостью до такой степени, что день этот вечно останется у меня в живой памяти, — записал на последней странице путевого журнала священник Димитрий Хитров, обычно не склонный к подобному выражению чувств. Весь маршрут был пройден изо дня в день без особых приключений. 4 января 1855 года походная церковь вернулась в Якутск.

III. Куда завела судьба золотушного мальчика...

1

Читатель вправе удивиться: почему мы назвали своего героя так? А это не мы, это он сам так себя назвал в одном из писем брату Григорию. В связи с награждением его орденом Владимира II степени вспоминает:

— Покойная и приснопамятная матушка наша Мария Игнатьевна восторгалась предсказанием какой-то юродивой в Епифани или Куркине на ярмарке, что «у тебя сын будет дяконом в городе», и радовалась исполнению сего пророчества. Могла ли она поверить, что её золотушный, бросовый парень будет получать грамоты от самого государя?

О наградах и высоких должностях позже. А судьба действительно завела его туда, где он совсем не хотел оказаться. Судьба, она же высшее провидение, предназначение — это кому

как больше нравится. Давайте вернёмся в прошлое и вспомним: мальчиком он хотел стать псаломщиком в своей деревне. Только и всего. Окончив семинарию, Димитрий имел пределом желаний место учителя в тихой Рязани. И действительно, о чём ещё мог мечтать мальчик, рождённый 22 октября 1818 года в семье Василия Ивановича и Марии Игнатьевны Хитровых. Семья жила в селе Хитрове Рязанской губернии, где её глава служил пономарём. Ранее пономарём здесь был его отец Иван Денисович (1745—1829), а до него дед Денис Данилович. У Василия Ивановича были братья Ларион и Тихон, избравшие для себя военную службу.

Матушка Мария Игнатьевна — дочь священника села Одоевщины Данковского уезда Игнатия Никитича (умер в 1816 году) и Матроны Александровны (скончалась около 1855 года). Их дети: сыновья Пётр — священник в Сугробах, Василий — военный; дочери Екатерина, Татьяна, Мария, Параскева, Феодосия. Всех тёток, исключая Екатерину, мальчику Димитрию довелось видеть. Димитрий был пятым и последним ребёнком в семье; при рождении его и после родительница горько плакала и много слёз пролила, потому что семья была большая, а состояние более чем скудное. Вероятно, по молитве её так и случилось.

Старший сын (а Димитрию, соответственно, брат) Никита родился 6 августа 1804 года,

служил дьяконом Георгиевской церкви в Казачьей слободе при городе Данкове, умер 23 мая 1834 года. Его дети: Евпраксия, родившаяся около 1827 года, была замужем за лекарским учеником Родионом Грязновым; Иван, родившийся в 1831 году, лекарский ученик, коллежский регистратор, умер в 1876 году, у него остался сын Димитрий.

Второй сын и брат Григорий родился 8 ноября 1807 года, был священником сначала села Хрущева, а потом — Воейкова. Его дети: сын Иоанн, дочери Мария, Евдокия, Анна, Пелагея. Старшая дочь Мария, рождённая в 1836 году, была замужем за священником Феодором Поликарповичем Феоктистовым, их сын Сергей в медико-хирургической академии, а сын Пётр — в Виленской гимназии. Иоанн — священник в селе Жерновках Скопинской округи, у него сын и дочь. Евдокия была замужем за дворянином Александром Алексеевичем Каменевым-Любавским, затем овдовела. Анна в Ряжске за купеческим сыном. Пелагея замужем за священником Иоанном Грациановым; об их детях ничего не известно.¹³

Дочь и сестра Гликерия родилась 7 мая 1809 года, была замужем за Иваном Трофимовичем Алексеевским — дьячком, а впоследствии дьяконом, протодьяконом и священником. Их дети:

Параскева, родилась в 1826 году, замужем за приказным Григорием Тепловым (их дети Николай и Семён — на службе); Иоанн, родившийся в 1831 году, дьякон придворной церкви в Петергофе; Наталья — замужем за дьяконом Петром Ивановичем Прокимновым; Александра — за протоиереем Павлом Кедровичем; Анастасия — за священником Иоанном Токаревым, умерла при родах; Елизавета — за чиновником Василием Субботиным.

Ещё один сын и брат Герасим родился в феврале 1815 года и утонул 22 октября 1822 года.

Крещение над младенцем Димитрием совершено было в доме священника Тимофея Алексеевича Венцева, а восприемниками были его родной брат Григорий и крёстная мать Агрипшина Фёдоровна, жена дьячка Епифания.

На седьмом году жизни Димитрия начали учить грамоте. Братья Никита и Григорий, прибывшие на святки из Данкова, привезли ему церковнославянскую азбуку. Тогда, кажется, одна и была для всех славянская азбука с заглавными словами: А — ангел, ангельский. Но и без того мальчик уже знал почти всю азбуку, потому что с братом Герасимом каждый день ходил на учение в дом отца Тимофея, где обучалось более 10 мальчиков и несколько девиц. Весной 1825 года он учился некоторое время

¹³ Ранее уже упоминавшиеся автобиографические записки написаны не ранее 1876 года. Слова о детях брата отражают ситуацию на момент их написания.

у дворовых людей Клима Петровича и Феодора Петровича. С появлением в родительском доме Ивана Тимофеевича, мужа сестры Гликерии, поступил к нему на обучение. Вместе с ним обучались дворовый человек Антон из деревни Верёвкиной и Стефан, сын соседа Варлаама. Домашнее обучение ограничилось изучением Часослова, Псалтири и отчасти Октоиха, да и то не совсем успешно.

— В ноябре 1827 года отвели меня в Данков к брату дьякону Никите погостить, где и прожил я до Рождества Христова, — написано в автобиографических записках. — Смотри на учеников духовного училища в церкви и предполагая в них большие познания, я просил Бога, чтобы он удостоил и меня сравниться учением хоть с самым последним из них; так страшно было для меня учебное поприще...

На следующий год брат Григорий снова отвёл Димитрия в город Данков и представил смотрителю училища протоиерею Феодору Семёновичу Семёнову. Тот, испытав мальчика в чтении, вписал его в число учеников первого приходского класса. Весь сентябрь и начало октября новобранцы учились читать по книжке и письму, то есть напечатанный и написанный от руки текст. А в день святого апостола Иакова Алфеева впервые дано задание учить наизусть из русской грамматики. К концу года грамматика была пройдена до словосочетания.

Во втором приходском классе ученики изучали арифметику, грамматику латинскую и русскую. Учитель был прежний — священник Николай Евдокимович Протопопов. Из арифметики Куминского пройдена вся первая часть, из латинской грамматики — до наречий. В 1830 году Димитрий переведён в низшее отделение уездного духовного училища.

По случаю холеры (впрочем, в Данковском уезде её тогда не было) в октябре учеников распустили по домам. 22 октября Димитрий пешком пришёл домой. Матушка встретила его горькими слезами: несколькими днями ранее сгорели их изба и двор, но горница, ещё не законченная постройкой, к счастью, осталась невредимой, хотя от сгоревшей избы отстояла только на две с половиной сажени, или, лучше сказать, отделялась лишь сенями. Пожар начался в доме ближайшего соседа крестьянина Варлаама: баба на печь наложила лён для просушки, а печь была без трубы, вот лён и загорелся...

В доме родителей мальчик пробыл чуть ли не до Великого поста и за это время под руководством брата Григория перевёл с латыни из Корнелия Непота о двух полководцах: Мельтиаде и Фемистокле.

В июне 1831 года, причём в спешном порядке, ночью, ученикам Данковского училища дано было вновь приказание разойтись по домам по причине

той же холеры, которая тогда свирепствовала сильно уже и в Данкове, и в округе. Опять пешком пришёл Димитрий домой. В этот год, кажется, приходил на побывку дядюшка Тихон Иванович. Он получил уже чистую отставку и в Бобруйске имел семейство, куда через месяц отправился. Ему купили маленькую лошадёнку и деньжат собрали рублей двадцать, а сами остались без копейки. В сентябре приказано было ученикам вернуться в школу.

Через год, перед учёбой в следующем классе, мать взяла сына за руку, увела в горницу и, взяв в руки икону Ахтырской Божией Матери, сказала:

— Молись, я благословляю тебя! А я скоро умру...

Горько плакал сын, а горше того плакала матушка. Помолвившись иконе и приложившись к ней, он поцеловал руку матушки своей и упал к её ногам почти без чувств; так горько было расставаться...

— Я любил её более всего на свете, — признается автор записок через много лет. — Благословением матушки живу и доселе, а она той же осенью, в ноябре, скончалась. Меня не отпустили даже и похоронить её. Если бы можно было заменить её жизнь своею, я тогда с удовольствием согласился бы умереть за неё...

В мае 1833 года брат Григорий, обучаясь уже в последнем

классе семинарии, был сильно нездоров и чуть не умер от тифозной горячки. Батюшка, услышав о болезни, ездил навестить его в Рязань и то ли от простуды, то ли от посещения семинарской больницы сам заразился тифом. Больной, воротился он домой, а через неделю помер. Брат же Григорий встал с одра болезненного и уволен был домой. Шёл он пешком по большой дороге, и в это же время ехал по ней ректор Феодосий, архиепископ Симбирский, ревизовать Скопинское и Данковское училища. Узнав путника, ректор пригласил его в свой экипаж, и таким образом больной Григорий доехал до села Чернаны. Ректор остался тогда весьма доволен успехами учеников Данковского училища.

В июне того же года Димитрий пришёл домой на вакацию и нашёл брата Григория таким исхудалым, что тот более походил на мертвеца, чем на живого. Через силу поехал он с Димитрием в село Монастырщину к благочинному священнику Иоанну Муретову, чтобы взять рапорт о смерти их батюшки для представления высокопреосвященному Евгению¹⁴. Отец благочинный уверял их, что рапорт уже представлен. Братья отправились в Рязань хлопотать о сохранении за Димитрием родительского пономарского места. Но в Рязани удивились и поразились тем, что

14 Архиепископ Рязанский (1831—1837), в миру Андрей Евфимович Казанцев.

никакого рапорта о смерти родителя от благочинного не поступало. Однако же прошение было подано, и тем самым положено начало делу об определении младшего сына на место отца. Ещё нужно было получить согласие причта исправлять должность, пока Димитрий не окончит учёбу.

Причт ответил положительно, и Димитрий весь август провёл, вместе с заштатным дьяконом Сергеем Исаковичем занимаясь выносом покойников, умерших от холеры, и сопровождением их из деревень. Некоторые деревни отстояли от церкви вёрст на десять, а умирало тогда каждый день человек по 8, а иногда даже по 15. Димитрий и дьякон, как будто застрахованные, ни разу не заболели, хотя в домах ели и пили всё ничтоже сумняшеся¹⁵...

Перед поступлением Димитрия в семинарию его преосвященству угодно было спросить, как он учится и есть ли кто ещё из семейства. По получении же ответа сообщено было следующее: «Кроме ученика Хитрова, в семействе никого не осталось из требующих его попечения, а успехи ученика дают повод ожидать от него доброе. Чтобы место сие не соблазняло его к выходу из учения, отказать в просьбе, и место считать праздным».

— Таким образом, — вспоминал много лет спустя Димитрий Хитров, ставший к тому времени епископом Дионисием, — не-

сколько веков переходившее по наследству пономарское место было отнято! Я и моя родня сильно были возмущены этим, даже роптали на Владыку...

Однако заметим: именно благодаря этому несправедному решению его судьба сложилась такой, какой мы её сейчас знаем. Меж тем и в селе Хитрово угнездилась тифозная горячка; вероятно, и Димитрий заразился ею. Прибыв в Данков на второй неделе Великого поста, он вскорости слёг в постель и пролежал весь пост. Волосы все выпали. Лишь только стал поправляться, брат Никита слёг. Избёнка, в которой они жили, была претесная. Больной брат лежал головой к окошку и простудился; лицо и рот так распухли, что за ушами сделались разрывы кожи; из-под неё вытягивали трубкой гной в большом количестве; пластырь постоянно лежал на открытых ранах; на пояснице образовались пролежни до самых костей. Истощённый силами брат Никита часу в шестом вечера скончался. За час до смерти лекарь Бугров сделал больному глубокую насечку на правом боку, но кровь уже не пошла.

— Лишённый матери, отца и старшего брата, у которого жил во всё время учения своего в духовном училище, я остался совершенным сиротой, и Бог весть что случилось бы со мной, если бы мне не приспело время поступать в семинарию, — подводит автор

¹⁵ Ни в чём не сомневаясь, не колеблясь, нисколько не раздумывая (из церковнославянского).

записок итог своим детским годам, которые нельзя назвать ни безмятежными, ни, тем более, счастливыми.

В конце августа 1834 года Димитрия отвезли в семинарию, где он сдал экзамен с похвалой и записан был в отделение к профессору Феодору Семёновичу Мещерину, пользовавшемуся тогда особенным авторитетом в своей профессии. В то время в Рязанской семинарии были один богословский класс, два философских и три риторических. И в каждом риторическом было около 140 человек. Философские науки преподавал добрейший профессор Гавриил Петрович Успенский, который умел внятно объяснить ученикам и логику, и психологию, и метафизику. Предметы эти изучались на латыни, но нравственная философия и право читались по-русски тем же профессором. Математика преподавалась учителем Харлампием Ивановичем Романским, и едва ли 5-6 человек понимали её; в их числе был и Димитрий.

В 1837 году ректор Феодотий был переведён на епископскую кафедру викарием Петербургского митрополита. На его место поступил ректор Костромской семинарии архимандрит Афанасий Дроздов, впоследствии епископ Винницкий, Саратовский и архиепи-

скоп Астраханский. Он решил готовить учителей для духовных училищ путём ознакомления воспитанников с правилами дидактики и педагогики, а для этого выбрал 5 человек и приказал им вместо изучения греческого языка ходить на его занятия по дидактике и педагогике. Этими воспитанниками были Евсевий Костров, Андрей Константов, Михаил Воскресенский, Григорий Крылов и Димитрий Хитров. В начале 1840 года ректор был командирован в Тифлис для обревизирования тамошней семинарии и изучения обстоятельств дела в связи с жалобой ученика Тиникова на семинарское начальство. Вместе с тем ему было дозволено провести сезон на пятигорских водах.

Тем временем в Рязанскую семинарию в июле 1840 года прибыл ревизор из Московской академии протоиерей Пётр Спиридонович Делицын, который так остался доволен успехами учеников, что в богословском классе уничтожил 3-й разряд¹⁶. Лишь только экзамены кончились, как последовал указ Святейшего синода на имя высокопреосвященного Гавриила, архиепископа Рязанского и Зарайского, об избрании десяти благонадёжнейших из числа казённых воспитанников для служения в Иркутской области и пяти — в Томской.

¹⁶ Разряд обозначал место ученика по успеваемости среди других учащихся класса (1-й — лучший, 2-й — средний, 3-й — худший). Следовательно, плохих учеников в этом классе не было.

Итак, Димитрий Хитров оторвался от родины и от родных, как выразился потом один из его биографов, и оказался в далёкой Сибири. Но и в Сибири можно занять место священника в какой-нибудь скромной сельской церкви недалеко от Иркутска. Так ведь нет: поехал в неведомый Якутск. Мало того, получил назначение в походную церковь. А это, как мы уже знаем, странствия по огромной территории, полные лишений, всяческих неудобств и к тому же реальных опасностей. Имел возможность спустя назначенный срок покинуть «подполюсную страну», однако не сделал этого. Вместо семи лет — 43-летнее многотрудное и многоплодное служение на пользу православной церкви, умноженное и расширенное им через обращение многих тысяч сидящих во тьме и сени смерти ко Христу, как сказал тот же биограф.

А когда его наставник предсказал, что он должен создать письменность для якутского языка, о чём подумал прежде всего? Правильно: «Да куда уж мне...»

Но ведь сбылось это предсказание! Димитрий Хитров не просто освоил якутский язык, но и создал его азбуку и разработал грамматику. Перевёл на якутский целый ряд произведений религиозной литературы. Кстати, его «Евангелие от Марка на якутском языке» было издано в Москве ещё в 1848 году. А в 1857 году

получил командировку в Москву для печатания в тамошней синодальной типографии священных, богослужебных и духовно-нравственных книг, переведённых главным образом им же и отчасти другими сотрудниками, а также азбуки и грамматики якутского языка. В командировке Хитров пробыл около двух лет, с февраля 1857 по март 1859 года. 19 июля 1859 года в Якутском Троицком соборе в первый раз совершено богослужение на якутском языке. Значение этого события подчёркивается тем, что родоначальники якутов от лица всех своих собратьев представили владыке Иннокентию покорнейшую просьбу о том, чтобы 19 июля впредь навсегда стало днём праздничным.

Вернувшись в Якутск, Хитров продолжил своё служение. Ещё в 1858 году он был возведён в сан протоиерея и назначен смотрителем духовного училища и ректором Якутской семинарии. Одновременно с этим продолжал прежнюю миссионерскую деятельность до 1867 года. Пострижен в монашество с именем Дионисий. 9 февраля 1868 года в Благовещенске-на-Амуре был хиротонисан в епископа Якутского, викария Камчатской епархии. Хиротонию возглавлял святитель Иннокентий (Веневитинов), тот самый, который дал молодому Димитрию Хитрову главный в его жизни наказ. С 1870 года, по образованию отдельной Якутской кафедры, состоял самостоятельным епископом.

Походные журналы после 1854 года нам, к сожалению, неведомы, но есть другие источники информации. Судьбе было угодно распорядиться так, что писатель Иван Александрович Гончаров, совершив морской переход на фрегате «Паллада» из Санкт-Петербурга до Японии через Атлантику, обогнув Африку, побывав также в Китае, Корее и на Филиппинах, обратный путь с Дальнего Востока в столицу проделал по суше. Эта часть пути также отражена в его книге путевых очерков. Гончаров провёл в Якутске несколько дней в начале октября 1854 года и оставил интересное описание его обитателей, их образа жизни и некоторых особенностей поведения. А главное для нас то, что он познакомился с двумя здешними миссионерами, священниками Хитровым и Запольским.

— Знаете, что они делают? — интригует читателей Гончаров и сам же отвечает на свой вопрос. — Десять лет живут они в Якутске, и из них трёх лет не прожили на месте, при семействах. Они постоянно разъезжают по якутам, тунгусам и другим племенам: к одним, крещёным, ездят для треб, к другим для обращения.

Одно небольшое уточнение: писатель говорит о двух людях, но фактически он познакомился только с одним, потому что другой в это время уже был в поездке. И дальнейший текст подтверждает это:

— Где же вы бывали? — спрашивал я одного из них.

— В разных местах, — сказал он, — и к северу, и к югу, за тысячу вёрст, за полторы, за три.

— Кто же живёт в тех местах, например, к северу?

— Не живёт никто, а кочуют якуты, тунгусы, чукчи. Ездят по этим дорогам верхом, большей частью на одних и тех же лошадях или на оленях. По колымскому и другим пустынным трактам есть, пожалуй, и станции, но какие расстояния между ними: вёрст по четырёхста, небольшие — всего по двести вёрст!

Гончаров, конечно, удивлён тем, что двести вёрст не расстояние... Интересуется тем, где ночуют в пути, а услышав о том, что есть для этого поварни, представляет в своём воображении запах бифштексов и котлет. Но тут же собеседник возвращает его в реальность:

— Поварня — пустая необитаемая юрта с одним искусственным отверстием наверху и множеством природных щелей в стенах, с очагом посередине — и только. Ни провизии, ни дров, ни огня, которого и попросить не у кого...

— Слава Богу, что есть ещё поварня! — говорит отец Никита. — А то и не бывает...

— Как же тогда?

— Тогда ночуем на снегу.

— Но не в сорок градусов, надеюсь?

— И в сорок ночуем, куда же деться?

— Как же так? Ведь, говорят, при 40 градусах дышать нельзя...

— Трудно, грудь режет немало, да дышим. Мы разводим огонь, и притом в снегу тепло. Мороз ничего, мы привыкли, да и хорошо закутаны. А вот гораздо хуже, когда застанет пурга... Мы однажды добрались в пургу до юрты, а товарищи отстали: не послушались инстинкта собак, своротили их не туда, куда те мчались, и заблудились. Три дня ждали их, а когда прояснилось небо, их нашли у дверей юрты. Последнюю ночь они провели тут, не подозревая жилья.

— Какова должна быть погода! — восклицает писатель, слушая рассказ священника Запольского. Да, того самого Никиты Запольского, с которым Дмитрий Хитров вместе ехал из Рязани в Иркутск. Вместе поддались они уговорам нести службу в Якутске, вместе стали священниками походных церквей. Значит, они и по сей день вместе.

От Никиты Запольского узнает Гончаров, а за ним и читатели, что священник Хитров занимается составлением грамматики якутского языка для руководства при обучении якутов грамоте. Она уже кончена. А язык этот таков, что по сравнению с ним все трудности английского выговора — ничто: в произношении звуков якутского языка участвуют не только горло, язык, зубы, щёки, но и брови, и складки лба,

и даже, кажется, волосы! А какая грамматика: то падеж впереди имени, то притяжательное местоимение слито с именем и т. п. И всё это преодолено!

В качестве примера писатель приводит, как звучит по-якутски известная молитва «Отче наш, иже еси на небесех»: «Бисиги Агабыт, энъ баргын халланнар — юрдяляригарь! Сибе — тьяйдяни Ег атыЕг Ээня, келлиЕг Энъ СарстваЕг, кэнтюдог Ээня боллуЕг сирьгя-да...» и так далее.

3

В письме от 7 июня 1869 года к известному церковному писателю К.И. Новоструеву епископ Дионисий сообщает о своём колымском странствии. Об этом же самом идёт речь и в его статье, опубликованной в №№ 5 и 6 за 1884 год в «Иркутских епархиальных ведомостях»¹⁷. Мы рискнули соединить эти два источника информации вместе, и вот что из этого получилось.

Чукотская миссия, как и сам округ Колымский, в пределах которого она находится, не посещалась ни одним преосвященным с самого основания там христианства в начале прошлого столетия по причинам отдалённости их — более двух тысяч вёрст от Якутска — и трудности сообщения. Посещение их преосвященным со свитой, хотя и небольшой, всеми считалось не

¹⁷ «Уфимские епархиальные ведомости» перепечатали эту статью в 1884 году, № 7, для ознакомления уфимской паствы с новым архипастырем (см. об этом далее).

только затруднительным, но и совсем невозможным. Несмотря на то, что бывал там прежде по обязанности походного священника в сопровождении одного причётника, епископ Дионисий отважился снова посетить их в сане архиерея с небольшим числом спутников (до 20 человек вместе с проводниками). В числе спутников были и мальчики-певчие, и забота о них стала для епископа задачей первостепенной.

Другая особенность этой поездки — малоснежная зима, а снег — первое условие для удобного продвижения по тайге. Однако это не исключает морозов, а они в ту зиму были отменными: 24 ноября уже минус 48 с половиной градусов, в Святки несколько дней — за минус 50. Причём вместе с группой епископа следовала научная экспедиция, постоянно производившая наблюдения с помощью термометра и барометра. В Верхоянске три термометра показали: первый — минус 49 с половиной, второй — минус 50, третий — минус 50 с половиной градусов. Таким образом, среднее значение — минус 50 градусов, это для особо недоверчивых скептиков. Лютый мороз страшен, но бывалые путники охотнее переносят его, чем летний зной и нападение комаров, которые гораздо лютее пёсых мух египетских...

Зато какую теплоту встречал епископ зимой в сердцах своих пасомых! Они выезжали за несколько сот вёрст навстречу, что-

бы принять благословение. Даже некрещёные чукчи падали ниц и лобызали руку, а тунгусы прежде делают три земных поклона, после благословения — опять земной поклон. При сильном холоде есть ещё одно неудобство, но об этом позже.

Из Якутска отправились 1 ноября 1868 года, и 2 ноября Дионисий совершил божественную литургию в Усть-Сольской Николаевской церкви в 20 верстах от города. 3 числа служил в Борогонской Вознесенской церкви, которая от предыдущей стоит в 100 верстах. 4 числа литургисал в Дюпсинской Троицкой церкви. Эти три церкви входят в Якутский округ.

5 ноября проехали вёрст 50 и остановились, чтобы подготовиться к дальнейшему пути, потому что отсюда на протяжении 400 вёрст жителей не будет, и ночевать придётся в пустой нетопленной поварне. Без привычки страшно представить себе ночлег в холодной избе при 40-градусном морозе, да и привычному несладко отзываются эти лишения. О себе епископ мало беспокоился, но за малюток-певчих очень опасался. Тем более что один мальчик отморозил себе пятку, но, к счастью, всё обошлось, только похромал с неделю. И за всё время путешествия никто не болел, все возвратились домой целёхоньки. Случай с мальчиком научил Дионисия осторожности и бдительности и, может быть, предостерег от многих опасностей. Малютки

ведь иногда могут до костей промёрзнуть, но сказать об этом не посмеют. Поэтому пришлось не только расспрашивать, но и тщательно осматривать их одежду, обувь, шапку и повязку.

9 ноября распростились с тёплыми якутскими юртами, 15 ноября подошли к Верхоянскому хребту. Предстояло подняться в гору до 4900 футов, а потом спуститься вниз, причём пешком. Этот переход дался Дионисию особенно трудно: на хребте дул страшный холодный ветер, а тёплая одежда осталась под горой при лошадях. И, несмотря на крайнюю усталость, пришлось без передышки начинать спуск. Поздно вечером прибыли в Кен-Уряхскую поварню, которая, к счастью, оказалась тёплой: сюда были посланы из Верхоянска встречавшие епископа проводники с подводами.

28 ноября были в Верхоянске в 860 верстах от Якутска. К 16 декабря преодолели 800 вёрст, к 22-му — ещё 360. 25 декабря, оставив позади 180 вёрст, остановились в урочище Арылахе. Здесь епископ Дионисий провёл последнее в этом году служение, причём, как и во все предыдущие, говорил поучение на якутском языке. Новый 1869 год встретили в пути к Ожогинскому селению. За раз не удалось преодолеть все 120 вёрст, поэтому на половине пути пришлось заночевать: бессменные лошади уставали всё больше, а скудный корм, вернее, почти полное его отсутствие, довершал дело.

В Ожогине отдыхали до 6 января, а дальше двинулись на оленьих и собачьих упряжках, что означало более быструю езду. Нужна только крайняя осторожность, чтобы не свалиться с нарты. Бывает и так: проводник ни разу не оглянется назад и узнаёт, что спутника нет, только прибыв на место. Через 10 дней были в Среднеколымске, покрыв около 900 вёрст. Прибытию епископа со свитой были рады и русские, и якуты, и тунгусы. И пошли один за другим те самые земные поклоны, о которых уже шла речь. А каково священнику обнажённой рукой благословлять человек пятьсот при 50-градусном морозе! Как ни убеждал их Дионисий не творить земных поклонений — всё без успеха: и простому священнику мы кланяемся в ноги, был ответ, а как же можно архиерея-то сравнивать со священником!..

Епископа удивило и то, что около Среднеколымска и на четыреста вёрст западнее реки Колымы чукчи кочуют вместе с тунгусами и юкагирами, а двадцатью годами ранее они не смели ступить ногой далее Островной крепости: так они боялись русских. А какая простота в обычаях и образе жизни местных жителей! Многому бы следовало у них поучиться. Тунгус оленя подстрелит или сохатого промыслит — из добычи себе не берёт ничего, а довольствуется тем, что выделяют ему другие. Чукчи ещё лучше в этом отношении. Услышав, что у русских голод,

они нарочно прикочёвывают к ним со стадами своих оленей и дают тем самым пропитание десяткам семей.

По долгу службы Дионисий не только проводил службы, но и осматривал встречавшиеся по пути церкви. Вот Среднеколымская Покровская церковь — одна из древнейших в Якутской области, её антиминс освящён ещё в 1701 году. От неё по прямой до Якутска — 2178 вёрст. В приходе считается прихожан 2539 душ. Среднеколымский протоиерей почти постоянно находится в разъездах для исправления христианских треб, и необходимо открыть новый штат при сей церкви.

25 января епископ со свитой прибыл в Верхнеколымск, совершив путь в 440 вёрст вверх по реке. Лет девять назад якутский купец Максимов соорудил здесь деревянную церковь во имя апостолов Петра и Павла, в 1863 году она освящена. Приход состоит из якутов и ламутов, всего прихожан 1656 душ. Они живут в основном обособленно друг от друга, занимаются летом рыбной ловлей, а с наступлением холодов возвращаются в свои жилища. 31 января экспедиция вернулась в Среднеколымск.

Здесь чукча по имени Афанасий просил Дионисия излечить его от проказы. На предложение обратиться к местному медику только махнул рукой: тот, мол, умеет только морить людей, а

лечить ещё не научился. Кроме Бога, никто не может вылечить его.

— Будем же, — сказал епископ, — завтра молиться оба: и ты, и я. Вместе с тем вспомни все грехи свои, которыми ты когда-либо мог оскорбить и оскорбил Божие милосердие...

Чукча действительно всю обедню молился со слезами, но будет ли услышана молитва грешника?..

12 февраля — Нижнеколымск, после 440 вёрст пути. Здесь деревянная Спасская церковь, построенная в 1779 году. Она ветха и требует замены, но сами прихожане настолько бедны, что сделать это решительно не в силах. Приход также большой, в нём 1587 человек, а чтобы его объехать весь, надо сделать до 1000 вёрст. 13 февраля, по заведённому здесь обычаю, епископу представлялись местные и окольные жители, а затем чукотский тойон¹⁸ Андрей Амравургин представил несколько чукчей. Узнав о недостатке корма для собак, приготовленного для перехода по Ледовитому морю к устью реки Индигирки — около 700 вёрст, Амравургин тотчас распорядился, чтобы местные жители помогли с этим, а о готовности чукчей прийти на помощь мы уже знаем.

Чукотский тойон просил также посетить Островную крепость, где у них ведётся торговля с русскими, и освятить это место

¹⁸ Староста, вождь у чукчей, алеутов и других народностей Крайнего Севера и Сибири.

архиерейским служением. Извинялся, что не может доставить епископа к Чаунской церкви, потому что громадные льдины завалили морской берег от устья Колымы до самого Чауна. К невозможному и Бог не обязывает, сказал Дионисий, и этим успокоил тойона Андрея.

От Нижнеколымска до Островной крепости считается 250 вёрст. Этот путь епископ со свитой преодолел за три дня. После проповеди в часовне зашёл разговор о том, что хорошо бы построить церковь ближе к месту жительства чукчей. Дионисий спросил:

— Ведь теперь не опасно русскому жить среди чукчей?

Собеседники засмеялись:

— А опасно или нет, что ты теперь с нами разговариваешь?

— Я опасности никакой не вижу и сижу между вами, как дома. Но то вы, а там другие, настоящие чукчи...

— Нет, и около нас все такие же: наши жёны, дети и рабочие люди. С нами вместе живут и русские, и тунгусы, и ламуты, и юкагиры, и никто из них нас не боится, да и мы им никакого зла не сделали, разве же они нас чем-нибудь обманут. Вот носовые чукчи неблагоприятны, мы и сами не доверяем им.

— Так где же, по вашему мнению, полезно соорудить церковь и водворить духовенство?

— Главное наше жительство находится в разных пунктах вверх по реке Анюю, а именно: около Элабала и Пойдоми — в ста и

двухстах верстах от Островной, а также между ними по двум россомашичьим рекам. И в любом из этих мест можно поставить церковь.

— А можете ли вы своими силами построить церковь?

— Во всей нашей земле никаких строений нет, да мы и понятия не имеем о том, как строить дома...

Дионисий указал на то, что рядом с чукчами живут русские, юкагиры и другие. Почему бы не обратиться к ним? Подумав, тойон Амравургин сказал:

— Я посоветуюсь со своим сыном и летом извещу тебя через купцов, а пока слова дать не могу.

Епископ был рад и такому ответу.

На другой день зашёл разговор о нарушениях обязанностей христианских, а именно о таких пороках, как многожёнство и шаманство, существующих доселе между крещёными чукчами. Некоторые уверяли, что многожёнства у них, собственно, нет, что у крещёного чукчи только одна жена, а другие женщины, если они есть, не более чем прислужницы.

— Однако же, — заметил Дионисий, — эти прислужницы рожают детей от своих хозяев...

— Правда, правда, но ведь без этого нельзя!

— Отчего же?

— А оттого, что мы имеем в разных местах табуны оленей, и при каждом табуне необходимо иметь верный глаз. Вот эти

прислужницы и смотрят за оленями лучше нас самих, потому что это дело знают больше, чем мужчины.

— Но в таком случае гораздо лучше и безгрешнее нанимать женатых людей с жёнами!

— Тогда другое вышло бы: все олени перевелись бы, и слуги стали бы хозяевами, а хозяева — слугами. А этих мы по большей части покупаем у носовых чукчей или у своих соседей, и они становятся нам совершенно своими.

Некоторые из участников этой беседы ни слова не сказали ни за, ни против, как будто до них дело не касается. А главное потому, чтобы их не подозревали в наличии тех же самых прислужниц, присматривающих за табунами. Относительно же шаманства и других суеверий все говорят, что это сразу искоренить невозможно, но со временем всё само исчезнет. Усиленными мерами можно только отпугнуть чукчей, чего те совсем не хотят:

— Не отгоняйте нас от себя, хотя среди нас ещё нет ни одного настоящего христианина!

Вступать в спор было бесполезно: действительно, в одночасье избавиться от вековых верований невозможно. С этой мыслью епископ покинул Островную, а 23 февраля прибыл в Нижнеколымск. Через два дня, отслужив здесь последнюю литургию, переместился в деревню Походск, где освятил построенную жителями часовню. Дальнейший уча-

сток пути был самым опасным во всём путешествии. По крайней мере, ранее неоднократно бывая здесь, Димитрий Хитров терпел страшные испытания и однажды чуть не погиб. В другой раз на этом же самом месте пурга задержала всех на 7 суток, всю провизию люди скормили собакам, а потом, так и не дождавшись конца непогоды, шли без остановки до ближайшего стана (80 вёрст) два дня и две ночи.

Итак, 25 февраля путники распростились с тёплыми ночлегами. Впереди — 700 вёрст безлюдного пути. 2 марта прибыли в Крестовую поварню, где их должны были встретить индигирские проводники, но их там не оказалось. Решили двигаться дальше на свой страх и риск (не хотелось упускать хорошую погоду и попусту тратить собачий корм, а колымские проводники не знали дороги) и вёрст через 20 встретили тех самых индигирских проводников, что освежило упавший от уныния дух.

В Сергеевой поварне обрадовались, как родному, встречавшему их индигирскому мещанскому старосте и были разочарованы самой поварней: в помещении страшный дым, а тепла нет. Здесь расстались со старыми проводниками и 4 марта, руководимые новыми жожаками, без опасения отправились дальше. Но на половине пути поднялась пурга и час от часу усиливалась. При прежних проводниках несдобровать бы им, да и теперь некоторые вместе с

багажом растерялись и ночевали где-то отдельно. И Бог весть что случилось бы, если бы вёрст за 15 до очередной поварни не выехали навстречу люди.

5 марта, к утру, пурга стала затихать. Можно было ехать дальше, но беспокоила судьба отставших проводников и вместе с ними одного келейника. Решено было, что епископ с мальчиками-певчими отправится до следующей ночёвки, а другие будут ждать отставших. В устье реки Алазеи стояли две юрты, построенные из тонких жердей. Между ними промежутки в четверть аршина, заложённые торфом и мхом, а щели замазаны мокрым снегом. Тем не менее, все были несказанно довольны новым ночлегом, потому что в нём просторно и тепло, а главное — там были живые люди.

Следующий переход большой — 90 вёрст, причём более 30-и ехали по рыхлому снегу, покрывающему тундру. А такой снег собак убийственно изнуряет. На берегу моря развели огонёк, согрелись чаем и отправились далее. Часу в 11-м вечера в поварне Яр нашли себе очень удобный и тёплый приют: жители Индигирки выслали навстречу человека, чтобы он заблаговременно нагрел поварню и тем доставил спокойствие усталым путникам; какое благодетельное распоряжение!

От Яра до деревни Русское Устье дорога была превосходной (80 вёрст). 8 марта, на следующий же день, сюда прибыли и отставшие участники

экспедиции. Епископ отслужил в местной часовне всенощную, а 9 марта провёл утреннюю литургию. Перед причащением говорил поучение о грехах против заповедей, особенно против седьмой. Поводом послужило то, что к нему некоторые обращались с просьбами о вступлении в брак при близких степенях родства, а причина таких просьб была одна: прикрытие греха. Ещё во времена служения священником при походной церкви Дионисий получал наставления от высокопреосвященного Нила, как следует поступать в таких случаях. И сейчас он, с пастырским жезлом в руке, пред животворящим телом и божественной кровью Христа Спасителя, говорил так, что слова его ударяли прямо в сердце. А когда виновным предрёк участь погибших от всемирного потопа и огня, истребивших Содом и Гоморру, то большинство слушателей, а особенно слушательниц с криками закрывали своё лицо, говоря: «О Боже милостивый, прости нас, грешных!»

— Теперь пусть каждый из вас, прежде чем приступить к Святому причащению, проверит в своей совести: исполнил ли он заповеди Господни, достойно ли приготовил себя и положил ли в сердце своём твердое намерение не грешить! — завершил Дионисий проповедь. Принесёт ли она достойные плоды впоследствии? Кто знает...

10 марта вышли в путь по направлению к Устьянску и про-

ехали в первый день вверх по Индигирке до деревни Аланхи 110 вёрст. 14 марта прибыли к Устьянской Спасской церкви, а оттуда вернулись в город Верхоянск. Прихожане Верхоянской церкви в память о том, что здесь служил архиерей, заказали серебряный, под золотом, напестольный крест в 400 золотников и новый на полотне иконостас. 26 марта начался и 5 апреля завершился обратный путь по направлению к Якутску после поездки по отдалённым округам Якутской области в течение пяти месяцев и пятнадцати дней.

— Слава Богу, даровавшему нам силы и крепость к перенесению столь трудного и долгого пути и хранившему нас невредимыми во всех входах и исходах нашего странствия! — завершает статью Дионисий, епископ Якутский.

4

Ещё одно описание поездки Дионисия, причём тоже по отдалённым местностям Якутской епархии (более 1000 вёрст на северо-восток от Якутска), было опубликовано в «Иркутских епархиальных ведомостях» в последнем номере 1874 года¹⁹. Автор статьи, к сожалению, не указан; судя по содержанию, это один из сопровождавших епископа: повествование ведётся от первого лица.

14 февраля 1874 года при томном великопостном благовесте к утрени (вместо архиерейского звона) преосвященный отправился в путь. Сердце сжималось при мысли о тех трудностях, которые ожидали нас в этой ледяной пустыне. Однако же первые 152 версты проехали без приключений: Охотский почтовый тракт, лошади исправны, дорога сносная. К Чурапчинской церкви преосвященный прибыл во втором часу ночи; радушная хозяйка — жена настоятеля церкви — обогрела чаем промёрзшего до костей гостя. Утром, простояв утрению и литургию, преосвященный совершил торжественное молебствие о совершившемся бракосочетании великой княжны Марии Александровны. 15 февраля в часовне по пути отслужил всенощную и таковой же молебен, 16-го в церкви совершил Божественную литургию, приобщил до 100 человек и до вечера проехал 100 вёрст — до Алданской церкви. 17-го, в воскресенье, служил Божественную литургию и торжественный молебен. Народу была тьма-тьмущая. Преосвященный вёл беседу по-якутски о почитании, а не обоготворении икон. В тот же день владыка предполагал вступить в пустынный путь, но инородцы объявили, что у них некоторые вещи не подготовлены, и просили обождать денёк-другой.

19-го числа вступили мы в этот ледяной край. Часу в 8-м

¹⁹ Перепечатано «Уфимскими епархиальными ведомостями» в 1884 году, № 18.

утра, помолившись Богу, со страхом и трепетом уселись на узкие и долгие нарты, оставив своих лошадей, повозки и сани. Олени скорым маршем помчались по болотистому кочковнику; узкие нарты клонились то на одну, то на другую сторону, и седоку нужно было с трудом держать равновесие. И нет-нет да и валиться головой в снег. Проехав вёрст 40, мы спустились к речке Уяне и по её льду потянулись вверх. Сначала нам понравилась езда по речке, потому что было меньше падений, зато много других опасностей: кучи валежника и плавника местами от берега до берега преграждали путь; острые жерди, вмёрзшие в лёд, как стрелы целятся проколоть вас насквозь. Владыка несколько раз попадал в наледь и сильно промок. А вот и солнце закатилось за громадные пирамиды гор, луна неохотно поднимается над горизонтом, холод начинает чувствоваться сильнее.

Владыка спросил, далеко ли до ночевья. Вёрст 70, ответили проводники. Около полуночи они предложили остановиться на ночлег под покровом живописного радужно-лучистого северного сияния. Нам и самим давно хотелось этого. Владыка спросил, есть ли при нас уроса (палатка). Для вас, отвечают, есть положок, а прочие могут и около огня посидеть. Преосвященный для воодушевления других отказался от полога, приготовленного для его одного, и велел ехать до той уросы, которая приготовлена

нарочно для нашего ночевья. И мы проехали ещё 25 вёрст. Не могу описать той радости, которую мы ощутили в сердце своём при виде искр огня над тунгусской уросой. Ещё более обрадованы мы были, когда увидели кипящий над огнём чайник и покрытый зелёными пихтовыми и кедровыми ветками снег. Чтобы почувствовать по-настоящему это удовольствие, нужно самому испытать его, а словами не выразить ни на одном языке, даже оленьем...

Итак, за первый день и часть ночи мы проехали 130 вёрст. На другой день — только 30 вёрст. Остановка была связана с тем, что один богатый тунгус выслал его преосвященству 150 оленей для подвод и 50 — на еду проводникам. А нас только четверо да два мальчика. И где нет порядка, там обилие только вредит делу. Так и с нами случилось: упитанных оленей тунгусы забрали себе под тем предлогом, что они никогда в упряжи не были и оброти на себе не носили. Нам же дали животных, у которых рёбра выступали под кожей; так сильно, видимо, их «учили»...

Тем не менее при благоприятной погоде мы отправились вверх по Уяне, вечером свернули на восток к речке Бетючан, где недалеко от её устья ночевали на снегу, проехав за день 70 вёрст. 22 февраля около 20 вёрст пробирались по ущельям Бетючана, затем поднялись на весьма значительный хребет, разделяющий бассейны рек Уяна и Томпо.

Спустившись по его восточному склону, попали в такую пропасть, что в течение всего дня не видели солнца. Со всех сторон окружали нас отвесные скалы, а по дну ущелья тянулась извилистая речка Артык-Юрях, впадающая в речку Комкану, а та — в Томпо.

При устье Комканы, через 80 вёрст, ночевали в пустом амбаре. Здесь, к удивлению нашему, увидели часовню, построенную тем же тунгусом, который послал нам оленей. Минувшим летом обитатель дремучих лесов медведь, томимый любопытством, разломал крышу на часовне, спустился в неё и, не найдя ничего достойного его внимания, выломал запоры окна и ушёл восвояси.

С 23 по 27 февраля ехали по Томпо вверх, совершив путь в 450 вёрст. Ночевали на мягком, как пух, снегу. Чем ближе мы были к вершине речки Томпо, тем холод усиливался. К большому горю нашему, один из спутников владыки — отец Евтропий — заболел (поясницу пересекло). У нас были банки и скарификатор, но что толку от них, если нет в этой пустыне ни одной хижины. Меж тем 28 февраля нам предстояло преодолеть огромнейший хребет-голец, разделяющий воды алданские и воды индигирские. Часа два тянули в гору нарту, на которой сидел владыка, бедные олени. И когда до вершины оставалось немного, каких-нибудь саженей 30, олени совершенно обессилели и

не могли идти дальше. Преосвященный сошёл с нарты и с помощью тунгусов скоро поднялся на вершину, промокнув до нитки от пота. На горе дул пронзительный ветер, необходимо было немедленно спуститься, чтобы под горой защититься от него. Здесь архипастырь просидел более двух часов, ожидая, пока остальные пройдут перевал. Когда тронулись от этого гольца, нас догнала сильная пурга. Место было открытое, а владыка был одет не совсем тепло. Только поздно вечером, проехав 90 вёрст, мы кое-как добрались до леса, как до дома, и здесь ночевали на мягком снегу.

1—3 марта ехали по разным речкам, впадающим в Оймякон, и достигли, наконец, до шестого якутского камина. Радости нашей нельзя высказать. За эти три дня мы проехали 190 вёрст; здесь отслужили благодарственный молебен Господу за сохранение нас живыми в этих пустынях. Больному поставили банки, и он мало-помалу поправился. Оленей отправили пастись обратно вёрст за 60. Отсюда до Оймяконской церкви считается 130 вёрст, и мы на непривычных к хомутам и сбруе лошадях кое-как дотащились до неё при сильной буре и после долгого плутания. Тут уж нашей радости не было предела; нас встретили, как Варнаву и Павла в Листре (Деян. 14, 11-12), и, казалось, готовы были боготворить нас. Так утешились мы взаимной друг к другу любовью.

Это была единственная церковь во всей Якутской епархии, которую деятельный архипастырь не успел посетить в настоящем своём звании, но во время священнического служения бывал он и здесь. Ныне же с 4 по 8 марта служил литургию преосвященных даров, а литургию святого Златоуста не позволяло время служить.

Итак, в первый путь им довелось ночевать на снегу 14 раз, а в обратный — 12, всего 26. Зато на обратном пути случилось купание в наледи вместе с нартой и оленями, и этот жребий пал на преосвященного. При всём при том владыка 22 марта благополучно возвратился домой. По дороге ещё в нескольких церквях служил литургию, а по прибытии домой служил каждодневно до недели Фоминой.

5

10 марта 1879 года Дионисий пишет брату, что завтра отправляется на минеральные воды в Забайкальскую область, за 3500 вёрст от Якутска. Государь император даровал ему четырёхмесячный отпуск ещё в декабре прошлого года, но воды открываются только в мае. А сейчас надо спешить, потому что в апреле всякое сообщение между Якутском и Иркутском прекращается до половины июня из-за разлива Лены (имеется в виду против те-

чения, а по течению в верховьях Лены начинают плавать с 1 мая; в Якутске же Лена открывается между 10 и 22 мая).

Видно, что Дионисий рад этому отпуску. Он собирается несколько недель провести в Иркутске, где у него знакомых «несколько сот домов», переехать священное море Байкал по льду и в конце апреля добраться до Читы, где за две станции встретит его земляк протоиерей Ильинский. У него погостить недельку, а от Читы до Маккавеевских вод ещё около 40 или 50 вёрст. Там надеется он получить исцеление от своего недуга. Во всяком случае, «эта поездка принесёт мне приятный отдых от нравственной усталости по занятию чернильными делами по канцелярии», — пишет отпускник.

Мы не можем сказать, как проходило само лечение, но то, что случилось с епископом на обратном пути, подробно было описано в тех же самых «Иркутских епархиальных ведомостях» (1879 год, № 35)²⁰. Автор статьи в этот раз известен, это кыллхский священник Стефан Петров:

— С первых чисел июля мы с нетерпением ожидали встретить доброго и благосердного нашего архипастыря, преосвященного Дионисия, возвращающегося в свою епархию с забайкальских минеральных вод. Но ожидания наши долго не исполнялись по случаю обозрения преосвященным приисковых церквей, и

только 6 июля нас известили о скором прибытии нашего владыки. Того же числа пишущий эти строки, как живущий на острове Кыльых на реке Лене, в 40 верстах выше города Олёкминска, немедленно отправился навстречу его преосвященству на Бирюкскую станцию в 25 верстах от острова.

Здесь 7 июля, часу в 9-м утра, показалась грозовые тучи с юго-западной стороны, а именно оттуда мы и ожидали преосвященного. Не прошло и часа, как тучи эти разразились громом, молнией и проливным дождём с ветром. Всё это продолжалось не более часа, затем всё стихло. Тут же прискакал с Черендейской станции ямщик и передал, что преосвященный проплыл эту станцию и теперь, вероятно, по случаю проливного дождя и ветра задержался на островах. Предположение ямщика оправдалось в точности: недалеко за островами мы увидели два шитика²¹, плывущие в связке при небольшом попутном ветерке.

Ямщики Бирюкской станции поплыли навстречу для смены черендейских ямщиков. Видя, что преосвященный не намеревается приставать к берегу, я тоже поплыл на своей небольшой открытой лодке на средину реки по направлению к шитикам. Лодка была принята с кормы и прибуксирована к большому шитику, занимаемому владыкой. Здесь я удостоился принять архипастыр-

ское благословение и лобзание. Преосвященный большей частью говорил со мной по-якутски. Всё шло благополучно, попутный ветерок дул по-прежнему. Я предложил свой небольшой парус, взятый на всякий случай. Владыка одобрил это предложение, и парус тотчас же был поднят и закреплён. Шитики поплыли шибче, ветер начал усиливаться *crescendo*. Мы уже не плыли, а летели на крылах ветряных.

Пересекаемые шитиками волны образовали по их сторонам как бы две стены, которые были намного выше лодочных бортов. Мы плыли, затаив дыхание. И чем дальше, тем ветер становился сильнее. Пристать к какому-либо берегу не было никакой возможности, так как при первой же попытке наши шитики были бы опрокинуты свирепеющими волнами. Ветер, наконец, превратился в бурю, которая с визгом и воем поднимала воду почти со дна реки, белые волны казались сплошной снежной массой. Положение было критическое, и мы всё ещё неслись на парусах.

Вот несёмся мы мимо Кыльыхского острова, поглядывая на твёрдую землю и осеняя себя крестным знаменем, мысленно призывая на помощь святого Николая, во имя которого на острове создан благолепный храм. А пишущий сии строки мысленно прощается со своим многочисленным семейством, от которого быстро

21 Шитик — небольшое плоскодонное парусно-гребное судно.

и неумолимо удаляла его разъярившаяся буря. Шитики начали трещать, мачты — гнуться. В меньший шитик, занимаемый протодьяконом и его семейством, состоявшим из малолетних и грудных детей, волны заливались уже давно, и вода, несмотря на непрерывное выливание, не убавлялась. Вскоре плачущие женщины и дети были приняты на шитик его преосвященства. Волны начали опрокидывать и эту лодку, которая носовой частью уже зачерпывала воду. В довершение ко всему ветер изменил направление. Шитики перебрасывались волнами с бока на бок, их боковые сходни были переломаны. Ветер угрожал уже разрушить и сами шитики...

К счастью, мы находились недалеко от одного небольшого острова, до которого хотели добраться и добрались, собрав последний остаток сил и присутствие духа. Когда выходили на берег, вода в лодках была почти до колен. Сухари, сахар и прочие дорожные припасы — всё было подмочено. Мы ступили на твёрдую землю с неопишуемой радостью в сердце и с благодарной молитвой на устах.

Всё это время владыка принимал непосредственное участие в управлении кормовым веслом, сохранял полнейшее присутствие духа и тем сильно поддерживал всех спутников. На острове мы пробыли около четырёх часов: сушили одежду и обувь, пили чай и только после заката солнца, часу в 10-м вечера, когда

начал стихать ветер, решили, с надеждой на милость Божию, добраться до Олёкминска. Дул боковой ветер, приходилось придерживаться берега и часто садиться на мель. В Олёкминск прибыли в 4 часа утра 8 июля. Город спал крепким спокойным сном, а мы тихо, почти без звука, подплыли к берегу, где, наконец, можно было укрепить силы недолгим, но таким благодетельным сном.

В 9 часов началась божественная литургия, которую совершал преосвященный владыка в сослужении местного причта и сельских священников. Приобщено было Святых Тайн до 80 младенцев, родители которых — тунгусы и якуты — привезли их с собой по случаю ярмарочного времени. Потом преосвященным было сказано слово на текст: Мария же благую часть избра, яже не отнимется от нея, в котором отразил ненасытную страсть современного человечества к стяжаниям, приурочив его к настоящему ярмарочному времени и указав путь к приобретению негибнущего богатства, которое заключается в слушании слова Божия.

Литургия окончилась в 12 часов, после чего преосвященный откушал хлеба-соли у местного исправника. В 7-м часу вечера отбыл в Якутск. Быстрые воды Лены-матушки понесли от нас доброго и многотрудящегося нашего архипастыря. Дай Бог ему благополучно доплыть до места и жить там в добром здравии. И долго

ещё править слово истины в любящей и любимой им Якутской епархии.

Вот такое очень эмоциональное и искреннее описание происшествия, случившегося летом 1879 года. Сказалось ли оно на состоянии здоровья епископа Дионисия, или лечение на водах было неэффективным, судить невозможно, но вот что написал он в письме от 1 ноября 1880 года: «В прошлом году ноябрь и декабрь пролежал на смертном одре. В первый раз отслужил тогда обедню 28 декабря с костылём в руках, с тем же орудием служил и в Рождество Христово. Боюсь, как бы и ныне не случилось того же».

6

Священнику Димитрию Хитрову приходилось заниматься, помимо прямых служебных обязанностей, ещё многими другими делами. 25 февраля 1852 года он избран членом-сотрудником Императорского Русского географического общества. В 1853 году утверждён членом Комитета общественного здоровья и Якутского областного статистического комитета. 31 декабря 1858 года определён исполняющим должность ректора Ново-Архангельской духовной семинарии (на острове Ситха) и преподавателем богословских наук. Эта семинария ещё в сентябре была переведена в Якутск и только некоторое время сохраняла прежнее

название, так что протоиерей Д.В. Хитров фактически исполнял должность ректора Якутской духовной семинарии.

30 июля 1859 года определён настоятелем к градо-Якутской Преображенской церкви и одновременно уволен с должности миссионера. 11 января 1862 года определением Святейшего синода протоиерей Д. Хитров утверждён ректором Якутской духовной семинарии, и это стало его главным делом до назначения на епископскую кафедру. Одновременно с этим — старший член попечительства о бедных духовного звания (1862), непременный член Якутского статистического комитета, член цензурного комитета по переводу духовных книг на якутский язык и корректор по печатанию этих переводов (1863), опекун над детьми и именем покойного Никиты Запольского, преждевременно умершего от цинги и расстройства печени (1864), наместник Якутского Спасского монастыря, член Якутского областного присутствия по улучшению быта православного духовенства (1865), благочинный походных церквей (1866) и градо-Якутских церквей (1867).

Но самое главное ещё впереди. Именным высочайшим указом от 3 июля 1867 года повелевалось протоиерею Димитрию Хитрову быть викарием Камчатской епархии с саном епископа Якутского. Хиротония протоиерея Димитрия Хитрова во епископа Якутского была проведена

8 (9) февраля 1868 года в городе Благовещенске, а двумя днями ранее здесь же он был пострижен в монашество под именем Дионисий.

После открытия епископской кафедры в Якутской области с 12 марта 1870 года — самостоятельный епископ Якутский и Вилуйский. С этого времени сделано немало больших и полезных дел: в Якутске учреждена духовная консистория, её денежные средства к 1884 году увеличены до 80 тысяч рублей; открыт епархиальный комитет православного миссионерского общества и общая епархиальная библиотека, единственная в то время в Якутске; открыты новые 36 церквей и приходов в самых отдалённых уголках разбросанной Якутской епархии, церковно-приходские школы; капитал духовного попечительства увеличился почти вдвое, за счёт чего бедные вдовы и сироты духовного звания стали получать 30—90 рублей вместо прежних 10—40.

Самым последним деянием преосвященного Дионисия стало второе издание богослужебных книг на якутском языке, законченное, когда он уже был в Уфе.

Немало было и различных наград, которыми отмечалось ревностное, многотрудное, полезное и усердное служение с 1843 по 1882 год: набедренник, бархатная фиолетовая скуфья, бархатная фиолетовая камилавка, многократные архиерейские признательности и благодарности, благословения Святейшего

синода, наперсные кресты, орден на святой Анны II и I степеней, святого Владимира III и II степеней.

Словом, есть немало оснований к тому, чтобы почувствовать свою особую значимость и даже возгордиться признанием заслуг, которые на самом деле были выдающимися. Но нет и намёка ни на то, ни на другое. Более того, сугубая скромность, где-то даже на грани самоуничтожения:

— Не без смущения, страха и трепета дерзаю приступить в великому сему служению... Могу ли я, несильный умом, скудный образованием, ненаученный и неискусный в подвигах иноческого жития, без страха принять на себя святительский сан и без трепета вступить на высоту сего служения? Откуда возьму толковую чистоту и святость, чтобы не только самому быть светлым, но и светильником для других, благим примером жизни и добрых дел; не только самому быть верным строителем тайн Божиих, но и других наставлять в пастыри и учителя стада Христова?

— Трудности предстоящего мне служения ещё более кажутся не по силам мне, когда представляю себе особенности самой страны и вверяемой мне паствы, где, с одной стороны, само географическое положение и климатические условия края требуют большого самоотвержения и разного рода лишений от служащего, а с другой — сама паства, лишь недавно возникшая из разных полудиких племён,

поклонявшихся горам и лесам, зверям и духам, доньне не вполне свободна от заблуждений и суеверий своих предков. Правда, трудности эти не новость в моём служении: я уже давно знаком с ними, и они шли об руку со мной на всех путях моего служения. Но разность в том, что доньне я был только исполнителем мудрых внушений своего начальства, а теперь доводится самому наставлять других...

— Однако же, сколько ни велики трудности епископского служения и сколь ни слабы мои силы к достойному прохождению сего высокого звания, верую и уповаю, что Дух Святой даст мне силы и крепость во время моего изнеможения, а во время затруднений наставит меня на всяку истину...

Эти цитаты из речи в феврале 1868 года²² при наречении его епископом Якутским свидетельствуют ещё об одном: полностью сбылось предсказание архиепископа Иннокентия, с которым вновь прибывший Димитрий Хитров беседовал в Якутске в первые дни пребывания там! Архиепископ, как известно, в дальнейшем самым внимательным образом следил за деятельностью своего подопечного и был уверен в своих словах, когда писал генерал-губернатору Восточной Сибири графу А.Н. Муравьёву, что «лучшего для Якутской епархии и не найти...»

Сохранилось несколько писем 1860–1880-х годов из Якутска, а затем и из Уфы к брату Григорию — священнику села Воейкова Рязанской епархии, написанных протоиереем Димитрием Хитровым, впоследствии епископом Дионисием²³. Из первого письма узнаём, что жена его находится в Москве, что состояние её, о котором он получает известия с каждой почтой, не улучшается. Поэтому он будет пить эту чашу до самого дна, а скорбям своим не видит конца и об одном только просит Господа: чтобы он, избравши рамена его для несения столь тяжкого креста, дал ему силы и крепость донести этот крест до Голгофы и там, у подножия Великого Крестоносца, пособил ему непостыдно сложить его.

8 января 1863 года он получил горестное известие о кончине многострадальной супруги Александры Ивановны, отошедшей в вечность 3 ноября. Сам же он одинок теперь на свете и не знает, что теперь с собой делать. Лежит на болезненном одре и страдает летучим ревматизмом, терпит невыносимую боль.

Тем не менее в одном из следующих писем сообщает о совершённом им огромном пути, причём без особых приключений, если не считать заболевания «не на шутку» в ночь с 24 на 25 ноября,

²² «Уфимские епархиальные ведомости», 1891 год, № 11.

²³ Там же, 1904 год, №№ 5–10.

которое он превозмог и 27-го воротился домой совершенно цел и невредим. В другом — о возвращении домой после пятинедельного странствия по епархии, в котором по случаю бесснежия так изнурил себя, что «и по сию пору не могу ещё считать себя вполне оправившимся от боли в костях». А это уже 1875 год! И в 1881 году: «...предполагаю выехать в епархию и намерен пробыть в дороге более месяца. Здоровье не совсем надёжное, и поэтому, отправляясь в дорогу, всегда беру с собой и погребаль-ные пелены на случай кончины, которая, по признакам, недалеко от меня».

Просит прислать желудей дуба, семян липы, акации, бобов. Казалось бы, странная просьба, однако... Он даже может похвастаться своим хозяйством: из 6 пудов посева — урожай пудов 30 (речь идёт, видимо, о зерновых культурах). А у других хозяев ещё больше: из пуда ячменя родилось 60 пудов, но обычно бывает по 30 и 40. Из 15 фунтов проса — 60 пудов, баснословный урожай!..

Для себя просит яблок, в том числе мочёных, тёплый шерстяной шарф (но только не зелёного цвета, от которого его белая борода позеленела, так что он стал походить на водяного), полотенца, а то нечем даже лица утереть. Благодарит племянника Ивана, тоже священника, за присланные им валенки и сапоги на его «исполинские от болезни ноги». Сапоги хороши, но постоянно

отёкшие икры не помещаются в голенища, поэтому он сначала их завернул, а потом сделает вставку. Валенки довольно удобны, но в икрах тоже, кажется, будут узки, потому что в дороге придется навёртывать на себя множество мехов, особенно на ноги: «трое чулок меховых, рейтузы тоже заячьи». Нога делается похожей на бревно...

Пишет о том, что холода в Якутске достигают иногда 50 градусов, что цены на все продукты растут, что хочется ему побывать на родине и побольше узнать о родственниках: кто когда родился, как сложилась семейная жизнь и прочее. Что в городе и всей области свирепствует страшная оспа, которая действует опустошительно. Передаёт поклоны родным и знакомым, извиняется, что редко пишет. Год от года всё чаще и подробнее упоминания о болезнях:

— Как я ни ублажаю своих ходни, они не перестают у меня болеть. В последнее время месяцев 6 я не чувствовал никакой боли в ногах и ласкал себя надеждой, что освободился от неё совсем, но с неделю назад опять стал страдать болью в ногах пуще прежнего и теперь едва двигаюсь; впрочем, все воскресные и праздничные дни служу безотлагательно и без особенной тяготы. Старость более всего давит и непрестанно вопиет в уши и в сердце: *memento mori!* В прежние годы об эту пору я имел обычай странствовать по епархии для обозрения церквей,

но ныне не чувствую в себе до-
вольно сил, чтобы отважиться
на такое предприятие (1 ноября
1880 года).

— В начале сего года при-
сущая мне подагрическая и
каменная болезнь чуть-чуть не
свела меня в могилу, были та-
кие страшные пароксизмы, что
от лютой и мучительной боли
я рад был бы умереть, лишь бы
избавиться от болезненного му-
чения. С 18 или 19 марта стал
служить и служил каждодневно
до 6 апреля. В Страстную сед-
мицу наряду с братией читал
Евангелие и вообще все службы
совершал ежедневно. Утомлял-
ся от трудов, но не изнемогал,
даже замечал, что после каж-
дого утомления силы мои укреп-
лялись и обновлялись. Теперь,
по-видимому, пользуюсь во-
жделенным здоровьем, но это
состояние искусственное: вот
пять уже месяцев прошло, как
я фонтанелями открыл у себя
на обеих ногах искусственные
раны и чувствую себя хорошо.
Но в пояснице (в правой почке)
зачастую чувствую мучитель-
ную боль. Зубов во рту оста-
лось не более десятка, да и те
гнилые и безобразные. Голова
с лысиной и седая, а борода
бела, как снег. Я помню: и у
батюшки, и у дедушки не было
седых волос. А отчего же я не
таков? Вероятно, от северных
снегов: здесь даже у лошадей
преобладающий цвет — белый;
редко можно встретить гнедую
или вороную лошадь (16 июля
1882 года).

И тем не менее:

— Я перестал сетовать на свою
судьбу, потому что вижу кресты
Господни на всяком: у меня та-
кой крест, у вас другой, у треть-
его свой — никого нет без креста.
При этом только нам кажется,
что собственный наш крест тя-
желее всех; а это, конечно, отто-
го, что мы способны чувствовать
гораздо скорее свои скорби, чем
ближних своих, чересчур внима-
тельны к себе и совершенно хо-
лодны к другим (6 декабря 1861
года).

— Живу — здоров, хотя не-
редко и хвораю. Как в обыден-
ной жизни каждый день сменя-
ется ночью, и после каждой ночи
является новый свет и новый
день, так и в жизни человека то
радости сменяются печалью и
скорбями, то за тучами скорбей
вновь просияет луч радости, а
за ним снова либо мрачное обла-
ко, либо туман. Точь-в-точь и в
моём сердце то же (12 декабря
1875 года).

Действительно, скажем ещё
раз, Якутская епархия нашла
в лице Дионисия лучшего свое-
го епископа. А что нашёл здесь
он сам? Думается, что главный
итог нашего документального
жизнеописания этого периода
таков: священник Димитрий Хи-
тров, он же епископ Дионисий,
нашёл здесь главное дело всей
своей жизни. Начав его осущест-
вление, он не мог оставить дела,
не доведя до конца. Перестал
сетовать на свою судьбу, потому
что... Впрочем, стоит ли переска-
зывать уже сказанное, не лучше

ли просто снова перечитать ранее процитированные, идущие из глубины души слова, внешне простые, но наполненные глубоким смыслом?

Он нашёл здесь чистоту нравов, чистую христианскую любовь к ближнему и беспредельную веру в Святое Провидение; всё это, как неоднократно замечает сам епископ, едва ли достигает в некотором отношении такого совершенства в нациях образованных, какое можно найти между здешними инородцами.

В заключительных строках следующей главы эта мысль вновь будет представлена в развёрнутом виде; не пропустите её. А вообще описание Жиганского улуса сделало бы честь любому географу или геологу, любому естествоиспытателю или демографу, любому этнографу или экономисту. А сделано оно одним человеком, а именно: священником Димитрием Хитровым ещё в 1854 году по заказу Русского географического общества.

IV. Описание Жиганского улуса²⁴

1

Жиганский улус принадлежит Верхоянскому округу. Он лежит по обеим сторонам реки Лены и занимает пространство между 65 и 73 градусами северной широты и 127 и 148 градусами восточной долготы. Границы

его составляют: к северу — Ледовитое море, к востоку — Верхоянский и Устьянский улусы, к югу — Якутский и Виллойский округи, к западу — Туруханский округ.

Сколько квадратных миль заключается в этом улусе, с достоверностью определить трудно, потому что огромнейшие тундры и непроходимые леса этого края по сию пору не были определены землемерами.

Поверхность земли большей частью гористая, особенно на пространстве между реками Леной и Оленёком. К западу от Оленёка до реки Анабары лежат равнины, покрытые большей частью озёрами и болотами. Это преимущественно должно разуметь о местах, сопредельных с тундрой.

С устья реки Алдана восточный берег реки Лены сопровождают высокие обнажённые горы, покрытые снегом (около середины августа), которые тянутся бесконечной грядой к востоку через вершины рек Яны, Индигирки и Оймяконы. Отроги того же хребта видятся на Сиктяхе и Булуне. На северо-востоке от Сиктяха в виде облаков представляются колоссальные пирамиды обнажённых гор. С приближением к Булуну они становятся виднее, а от самого Булуна они так явственны, что на них можно видеть стада диких оленей. Не имея приборов для измерения высот, труд-

²⁴ «Уфимские епархиальные ведомости», 1905 год, №№ 19–21.

но определить с достоверностью их высоту. Должно, впрочем, отнести их к категории высоких потому, во-первых, что растения есть только у их подножий, и во-вторых — потому что вершины гор покрыты вечным снегом. К востоку от Булуна в 200 верстах горы именуются Харалахскими по речке Хараулах (черноводная). Учёные утверждали, что они имеют высоту от уровня моря более 200 сажен. Группа этих гор составляет один из отрогов Верхоянского хребта, которым отделяется система вод Ленских (притоков Алданских) от Янских. Протяжение имеет он к юго-востоку. Грунт, покрывающий горные поверхности, преимущественно состоит из щебня, глины и сланца.

По западной стороне Лены горы не так высоки. Они почти повсюду покрыты лесом и изобилуют железняком, кварцем, каменным углем и гипсом.

От Жиганска до Сиктяха западный берег Лены по большей части равнинный, покрытый лесом и болотами; между Оленёком и Анабарой вообще местность ровная, усеянная болотами и озёрами. Поверхность почти повсюду покрыта мхом, а под ним лежат камни и вечный лёд. Равнины в местах, покрытых лесом, одеты также мхом, а под ним виднеется пласт иловатой глины, индо чернозёма. На местах, близких к морю, под слоем земли почти повсюду бывает толстый слой льда.

Северная часть Жиганского улуса омывается водами Ледовитого моря. От урочища Дороха, что на реке Анабара, ехал я до реки Оленёка лесом, а не тундрой, а поэтому не могу определить, какое имеет направление берег между сими реками. Восточный берег Оленёка при своём впадении в море образует долгий и узкий мыс, так что перешеек его, в 50 верстах выше устья реки, составляет не более 10 вёрст. Следовательно, восточный берег материка от устья Оленёка идёт прямо на юг до 50 вёрст. Потом до Крестова мыса идёт к востоку, от Крестова до устья реки Лены — на юго-восток, от устья Лены до Быкова мыса — к северо-востоку. Берега морские между означенными пунктами вообще гористы, а около Крестова мыса тянется к юго-востоку длинный гранитный утёс. Около Быкова есть берега совершенно пологие, едва возвышающиеся над поверхностью моря, но невдалеке от моря на них опираются высокие горы.

По причине всегда носимых здесь льдов попытки судоходства имели неудачные опыты, впрочем, для пристаней и рейдов есть очень удобные места. Дно моря составляет зелёный ил. Глубина моря в 20 верстах от материка от 4 до 12 сажен. Вместе с тем в Ленском лимане есть много мелей. В конце декабря с моря бывает сильный прилив воды, так что на море и в устьях рек фута на три лёд покрывается водой. Туземцы

приписывают это действию ветров, дующих в это время с неизменной силой с северо-запада, которые продолжаются от 7 до 30 дней.

Главнейшие мысы — Крестовый и Быков. Между ними в обширнейшем устье Лены лежит множество островов: Белькой, Йоннях, Булун, Бысагас, Барча, Чолбогой, Зимовий, Тора-докангы и другие.

От берега моря на 100—150 вёрст лежат бесплодные тундры, усеянные озёрами и высокими холмами. Во многих местах снежные и дождевые воды прорезали глубокие буераки. Беспредельные тундры покрыты мхом, осокой, встречаются некоторые виды черноголовника и пырея, а также богородская трава. В местах по соседству с лесом растёт берёзовый ерник, багульник и болотник. Мох, покрывающий тундры, составляет единственную пищу для домашних и диких оленей. Для туземцев в летнюю пору он заменяет дрова.

Реки, впадающие в Ледовитое море, — Лена, Оленёк и Анабара. Все они принимают в себя бесчисленное множество побочных речек. Протяжённость Лены — 4500 вёрст, Оленёка — около 2000, Анабары — более 1000 вёрст. Ширина и глубина рек не везде одинаковы. Скажем сперва о Лене. Напротив Жиганска она в ширину 13 вёрст, в глубину — 3—10 сажен, напротив Сиктяха ширина не более 4 вёрст, глубина — 7-8 сажен, напротив Булуна ширина не более

двух с половиной вёрст, глубина 7-8 сажен, напротив Кумах-сура ширина полторы версты, глубина 8—10 сажен, напротив самого устья (турахта) ширина до 10 вёрст, глубина едва достигает 3—5 сажен. Ширину и глубину реки разумел я не в пору разлива реки, а в обыкновенное время.

Около 10 июня на своих каюках (больших лодках), нагруженных мамонтовой костью, торгующие в Жиганском улусе отправляются с Булуна, а 18—20 июля достигают Якутска. Весь путь совершается бичевником, а при попутных ветрах — на парусах. Для сплава вниз по Лене употребляются двоякого рода суда: остродонные, именуемые каюками, и плоскодонные, именуемые павозками. Но против течения всегда употребляются только первые.

В те и другие полагается груза около 1200 пудов. Для сплава вниз по реке на каждом судне имеются 6 гребцов, 1 рулевой и 1 вож. Для подъёма против течения нужно 12—18 человек для бичевника. Из Якутска в Булун ежегодно плавают в августе три каюка и три павозка с хлебом, чаем, конскими волосьями, коноплём и произведёнными на фабриках сукнами, дабами, китайками и ситцами. Каюки в следующее лето возвращаются в Якутск, а павозки уничтожаются. Каюки эти принадлежат якутским купцам Санникову и Соловьёву и торгующему по 2-му роду Шахурдину. Все они отправляются из Якутска 21-22

августа, а 14—16 сентября достигают Булуна. К этому надобно заметить, что они плывут только днём, а на ночь по причине частых мелей и подводных камней приваливают к берегам, сверх того 8-9 дней стоят из-за противных ветров. Скорому плаванию способствуют попутные ветры, но обыкновенно по течению воды проплывают 7—10 вёрст, а между Сиктяхом и Булуном — 4-5 вёрст в час.

Берега Лены, начиная от Жиганска и до самого устья, состоят из утёсов, каменных или песчаных. По обоим берегам во многих местах видны большие пласты каменного угля, множество железного колчедана и железного камня. Из тех же берегов вместе с глиной и песком вываливаются двустворчатые раковины, также попадают частицы известкового шпата и множество окаменелого дерева, горный хрусталь, аметист, агат разных родов, кремни, древеснистый опал, сердолики и яшмы. В донесении Баратынского 1668 года говорится, что вследствие именного указа (разведывать руды и другие драгоценности) был послан на реку Охоту письменный Голова Казанский и, по приезде оттуда, доносил, что без мастера он не мог найти серебряной руды и что по рекам и губам есть жемчуг и раковины. Здесь упоминается о найденных по реке Лене драгоценных камнях и жемчуге, которого 9 золотников привезено в Якутск служивым человеком Онкундиновым. Подлинный акт

об этом имеется в Якутском областном правлении.

Река Оленёк течет почти параллельно с рекой Леной. О бассейне её подробных сведений пока не имеется. По уверению тунгусов, живущих на озере Жоссей и по Оленёку, эта река вершиной своей сближается с вершинами рек Виллой и Хотуй, впадающей в Хатангу. Ширина её довольно однообразна и, кажется, нигде не превышает одной версты, глубина также незначительна; по крайней мере, то известно, что против селенья Усть-Олёнского глубина её не превышает 4 сажен. Берега повсюду каменные и крутые. Они состоят из твёрдого камня, песчаника разной плотности, глины, серой и жёлтой; в некоторых местах попадает гипсовый шпат, каменный лён, горная смола, а около устья множество аммонитов и двустворчатых ракушек. По этой реке жительствоуют только около устья, а к вершине постоянных жителей нет, поэтому и судоходства по реке не бывает.

Северо-западную границу Якутской области составляет река Анабара. Вершину её составляют два притока, из которых западный называется собственно Анабарой и бассейном своим сближается с притоками реки Хатанги, а восточный — Котомкой, вытекающей из одних начал с западными притоками реки Оленёка. Обе эти ветви соединяются в одну реку выше устья реки Унджи на три дня пути, или в 500 верстах выше

устья Анабары. Река эта далеко не может равняться с Оленёком ни шириной, ни протяжённостью. Всего течения её полагают не более 1000 вёрст; ширина её не превышает одной версты. Берега круты, и потому во время разлива ширина её увеличивается незначительно. Грунт берегов по большей части состоит из чернозёма и торфа, пронизанного древесными и травяными корнями. Быстроты течения здешних вод определить положительно не могу, потому что путешествие моё здесь совершалось зимой. Островов и порогов по реке не заметно. Кроме обыкновенной полой воды, бывают разливы в летнюю пору или от сильных северных ветров, препятствующих своей силой естественному течению вод, или от снегов и дождей, падающих в истоках реки. Чрезмерная прибыль ни в том, ни в другом случае туземцам пользы не приносит. Как Оленёк, так и Анабара в устьях своих покрываются льдом на зиму почти в одно время, с 5 по 14 сентября, а вскрываются около 1 июня или в конце мая. Деревья произрастают на Анабаре при урочище Дороха. Около самого устья есть солёный ключ.

Обширные тундры и смежные с ними лесные места усеяны бесчисленным множеством озёр и болот. Вода в них пресная и прозрачная, но отдаёт гнилостью. Берега озёр по большей части плоски. Туземцы в октябре и ноябре промышляют в них разного рода рыбу: чиров, зубатку,

бранатку, пелядку и других, а в июле тысячами убивают ленных гусей и уток.

Тундра и сопредельные с ней места состоят из болот, которые скрывают под собой вечный лёд, а потому никогда не просыхают и, по причине краткого лета, к осушению не могут быть способны.

Леса, составляющие непроходимые дебри, состоят из следующих деревьев: лиственницы, сосны, тополя, берёзы, ивы, осины, ольхи; из кустарников: ерник (берёзовый и ветловый), смородина, шишишьяк, охта и других. По тундре нет никаких деревьев.

По берегам Ледовитого моря и островам, лежащим в Ленском лимане, водятся разные звери: белый медведь, северный олень, белый и голубой песец, волк, росомаха, лисица и множество мышей; по тундре и в лесу: волк, олень, песец, бурый медведь, лисица разных пород, горностаи, белый заяц, дикий кабан, росомаха, соболь, белка, крот. Из птиц зимуют: ворон, сокол, куропатка, филин, сыч, мышелов, глухарь, тетерев, рябчик, дятел чёрный и пёстрый, чечётка и кукта (род дрозда). Из прилётных известны: лебедь, гусь, утка, ласточка, стриж, ворона, кулики разных пород, жаворонок, снегирь, стерх, журавль, коршун, скопа, орёл, петушки разных пород. Туземцы уверяют, что некоторые породы гусей и уток прилетают к ним не из полуденных стран, а из открытого

океана с севера. Доказательством тому приводят то, что эти замечаемые ими породы птиц являются к ним ранее других и что в местах, отдалённых от моря, они не известны.

Климат в Жиганском улусе самый холодный, но в приморских местах он смиряется влажностью северных ветров. На здоровье туземцев вредного влияния не имеет.

Начало весны и осени обыкновенно определяется по состоянию растительности, но в здешних тундренных местах, лишённых почти всякой растительности, кроме очень немногих трав, нельзя определять этим способом начало времён года. Они лучше могут быть объяснены первым днём сокрытия солнца за горизонтом и первым его появлением на горизонте, а также вскрытием и замерзанием рек. По сему предмету я имею следующие от туземцев сведения: на Дорохе, в устье Оленёка и Быкове солнце скрывается за горизонтом около 10 ноября, а в первый раз показывается около 15 января.

В Сиктяхе в первый раз виден край солнца пятого января, а в Булуне — числа десятого. В последнем пункте оно могло быть видимым и ранее, если бы с восточной стороны не препятствовали тому высокие горы. А когда вскрываются реки, об этом было уже сказано. Громы, молнии и дожди бывают очень часто, особенно в горах. Очень часто случается, что в Булуне солнце

сияет полной красотой летнего дня, а в 10 верстах на востоке за Леной снег летит хлопьями и своей белизной покрывает бесконечные гряды обнажённых гор.

Летом от чрезмерной жары по всей тундре и даже в лесах расстилается густой туман или, по-туземному, морок, от которого дыхание делается тяжким и воздух удушливым. Подобное явление бывает и в самые сильные морозы: воздух сгущается и превращается в туман. Как там говорят: и буро болар, то есть — делается дымом. Для выходцев из умеренных стран эти явления очень ощутительны, но для туземца они не значат ничего. Зимой несколько десятков вёрст он может бежать без особой усталости, а пришелец пройдёт скорым шагом 30—40 сажень, задохнётся и упадёт на землю. Дыхание его становится трудным: он с каждым вдохом как бы захлёбывается водой.

Эпидемические болезни здесь редки, зато опустошительны. В 1851-1852 годах свирепствовавшая здесь корь опустошила многие дома подчистую, в других едва оставила треть семейства. Впрочем, пагубные действия её не везде одинаково были сильны. Народ поголовно умирал большей частью в местах приморских, где нет ни леса, ни другой защиты; но живущие в лесах более выздоравливали, чем умирали.

В утёсах между горами и по обнажённым тундрам почти всегда свирепствуют сильные ветры.

Они продолжаются по 7—20 дней без остановки. В приморских местах самые сильные ветры бывают в чёрные месяцы, то есть в ноябре, декабре и первой половине января, когда солнце бывает ниже горизонта. Более вредными и ощутимыми у туземцев считаются ветры южные, которые дуют так сильно, что, поднимая в воздух снег, песок и камешки, лишают человека света Божия и, застигая путника в беспредельных пустынях холодного севера, бывают для него ничем не отграднее африканских ураганов. Нередко случается, что человек несколько раз проезжает мимо своего жилища, но в кипучем ледяном аду не может ничего различить и умирает у дверей своей хижины. В таких случаях чуткая собака нередко избавляет хозяина от неминуемой смерти, и за это такая собака у туземцев оценивается в 40—60 целковых.

Благодетельнейшими ветрами в летнюю пору считают северо-северо-западные. От продолжительности этих ветров зависит благосостояние туземцев. Известно, что рыба в определённое время года для метания икры выходит из моря в реки. Если это будет при северо-северо-западном ветре, умеренном и продолжительном, то улов рыбы будет обильным, и жители в тот год считают себя богатыми и счастливыми. Противные сему ветры для туземцев страшнее эпидемии. Впрочем, и при плохом улове для жителей рыбы было бы достаточно, если бы они

вместо собак держали оленей.

В местах, близких к морю, летом дожди бывают очень часто. В гористых местах по ущельям и оврагам производят они сильное разлитие речек и ручьёв, отчего погибают стада зверей, молодых куропаток и мышей. Последними здесь также дорожат, потому что от набега мышей зависит промысел песцов и лисиц. Град бывает редко и вредного влияния на страну не имеет.

В приморских местах снега очень неглубоки. Но ближе к Жиганску, по обеим сторонам Лены, глубина снега от одного до двух с половиной аршинов. Причиной тому служат горы, защищающие эти места от жестоких ветров. О землетрясениях здесь нет никаких преданий, и действий их не заметно.

2

Жиганский улус составляют 8 наслегов якутов и 2 наслег тунгусов. Наслеги якутские именуются:

— 1-й Батулинский, мужчин 95, женщин 99;

— 2-й Батулинский, мужчин 66, женщин 73;

— 1-й Хатыгинский, мужчин 193, женщин 206;

— 2-й Хатыгинский, мужчин 102, женщин 107;

— 3-й Хатыгинский, мужчин 321, женщин 325;

— 4-й Хатыгинский, мужчин 105, женщин 99;

— Кангаласский, мужчин 138, женщин 136;

— Туматский, мужчин 64, женщин 55; всего мужчин 1084, женщин 1100.

Тунгусские наслеги:

— Кубский, мужчин 149, женщин 146;

— Эльгетский, мужчин 77, женщин 74; всего мужчин 226, женщин 220.

Число душ означено по 9-й народной переписи. Сверх того, в том же улусе живут русские, число коих не превышает 200 человек обоого пола. О числе родившихся, сочетавшихся браком и умерших можно узнать из таблицы, составленной по метрическим книгам:

1842 год — крещено: 56 (м), 50 (ж), браков совершено: 24, умерло: 23 (м), 14 (ж).

1843 год — крещено: 62 (м), 48 (ж), браков совершено: 31, умерло: 31 (м), 25 (ж).

1844 год — крещено: 53 (м), 34 (ж), браков совершено: 26, умерло: 41 (м), 34 (ж).

1845 год — крещено: 57 (м), 53 (ж), браков совершено: 42, умерло: 29 (м), 24 (ж).

1846 год — крещено: 39 (м), 30 (ж), браков совершено: 33, умерло: 39 (м), 38 (ж).

1847 год — крещено: 29 (м), 31 (ж), браков совершено: 36, умерло: 42 (м), 39 (ж).

1848 год — крещено: 44 (м), 35 (ж), браков совершено: 35, умерло: 52 (м), 45 (ж).

1849 год — крещено: 62 (м), 63 (ж), браков совершено: 42, умерло: 31 (м), 29 (ж).

1850 год — крещено: 31 (м), 36

(ж), браков совершено: 43, умерло: 27 (м), 21 (ж).

Племена, населяющие Жиганский улус, суть: русские крестьяне, якуты и тунгусы. По физиономии, образу жизни, языку и нравам их всех следует назвать якутами. Этот край отличается простотой нравов, чистотой совести и патриархальностью. В летнюю пору все вышеназванные племена, по несколько семейств вместе, кочуют со своими стадами оленей по болотистым и обнажённым тундрам близ берегов Ледовитого моря и питаются от промысла диких оленей. Два или три искусных стрелка каждый день отправляются с ружьями или луками к табунам диких оленей и убивают по несколько штук. Воротившись домой, они извещают свой табор, что там подстрелены ими олени. Добычу тотчас же привозят в табор, и мясо этих оленей разделяется по числу наличных членов, а кожа, по общему приговору, даётся кому-нибудь одному. По-туземному этот дар называется нимат. В праве на нимат соблюдается очередь, в которую не включается только сам промышленник. Таким образом, убьёт ли он в течение лета 100 штук или 1, польза для него одинакова, то есть он не получает ничего и не имеет никакого права нигде претендовать на то.

Такой обычай основан у туземцев на тех понятиях о Промысле Божиим, что стрелок убивает добычу не собственным

искусством, а по соизволению Божию, и не для себя, а для всех вообще, и если бы промышленник начал спор о том, то должен навсегда лишиться своего таланта в охоте. Звери будут избегать его, глаз изменит ему, и само оружие лишится своей силы.

Другой не менее оригинальный обычай существует у туземцев относительно помощи единоплеменникам. Случается, что волки нападают на стадо оленей, истребляют его наповал, и бедняк якут или тунгус среди беспредельных и безжизненных тундр подвергается опасности умереть от голода и холода. При первой возможности он обращается к своим родовичам с просьбой о помощи, и ему тут же дают до 30 оленей, и бедняк живёт опять своим домом и в своей семье благодаря Богу. Я знаю одного якута, которому такие пособия оказаны были подряд три года.

Характер все вообще имеют вежливый, и гостю стараются угодить сверх угощения подарками. Мужчины занимаются только звероловством и рыбной ловлей, а женщины и девицы исправляют более тяжкие работы, как то: в зимнюю пору строят юрты, покрывают их мхом, замазывают глиной и утепляют снегом, рубят и колют дрова, носят воду и ходят за оленями. Телосложения крепкого, по характеру все флегматики. Пищу

их составляют оленье мясо, гуси, утки и в особенности рыба. Последнюю употребляют они во многих видах: мёрзлую, разрывая на тонкие пластинки; сушёную, искрошив и смешав с лиственной корой в горячей воде. Свежую рыбу обычно варят и жарят на вертелах. От Жиганска вниз по Лене все жители любят лакомиться тухлой рыбой, именуемой агрыс²⁵, и для этого квасят самую лучшую рыбу. Запах этого агрыса так зловонен, что у непривычного голова кругом пойдёт. Напитков туземного производства нет никаких. Из-за неимения чая они собирают около озёр какую-то траву и отвар одной употребляют вместо чая.

Жилища их очень оригинальны и многообразны. Для каждого времени года и для каждого места дома делаются по своему плану и особого вида. Так от Жиганска до самого устья Лены для летнего жительства устроены из тонких жёрдочек конусообразные уросы, покрытые древесной корой, без чувалов, а для зимнего — напротив тех же уросов верстах в двух от берега стоят якутские юрты. По берегам и островам Ледовитого моря бывают вообще дома рубленные 4-5 сажень в длину с тремя, четырьмя и более сенями, которые всегда наполнены дровами, льдом и провизией на случай пурги. Летом приморские жители ставят ровдужные свои уросы. В местах

²⁵ Ранее (гл. III, ч. 5) это слово писалось иначе: аргыс. Поиск по словарям не дал никакого результата, поэтому оставлены оба варианта.

необитаемых повсюду устроены для ночевья так называемые станы.

Все инородцы здешнего края ведут жизнь частью кочевую, частью бродячую и постоянного жителя почти не имеют. К такому образу жизни обязывают их особенности этого края, от которых зависит насущное их пропитание. Так одни из них летуют в разных местах по берегам реки Лены, занимаются рыбной ловлей и тем приобретают себе годовое содержание; другие, спасая оленей своих от непомерной летней жары и комаров, удаляются в тундры к берегам Ледовитого моря или в ущелья гор, где бывает вечный холод и сильный ветер. Обитатели приморских стран во всё лето питаются леными птицами и дикими оленями, из коих те и другие водятся там бесчисленными стадами.

Выше сказали мы, что туземцы Жиганского улуса почти не имеют постоянного жилища, а потому нет у них деревень и селений. А если где и случается видеть несколько юрт вместе, то в них обитают не всегда, а только в известную пору года. Главнейшие их селения:

1. Жиганск, бывший прежде комиссарством, ныне составляет простое село. В нём одна церковь и жительство 3 семейства священноцерковнослужителей, один отставной чиновник, одна мещанская вдова, и стоят несколько пустых домов.

2. Красное, в 120 верстах ниже Жиганска на западном бе-

регу реки Лены, где жительствоуют 4 семейства якутов.

3. Сиктях, в 400 верстах ниже Красного на том же берегу. Здесь жительствоуют до 10 семейств разного звания и есть часовня.

4. Булун, в 180 верстах ниже Сиктяха, при устье речки того же имени. В нём есть часовня и до 15 обывательских домов, из коих большая часть построена по-якутски. Эти четыре селения я именую главными, потому что в них хотя и мало людей, но живут они во всякое время года.

Второстепенными селениями назовём те, в коих живут не всегда, а только в урочное время года:

1. Аякит-терде, селение якутов на западном берегу Лены при устье речки Аякита, в 25 верстах ниже Булуна. Оно состоит из шести уросов.

2. Станнах, в 5 верстах ниже устья Аякита на восточном берегу Лены. В нём жительствоуют с ноября до половины марта около 30 семейств тунгусов.

3. Кумах-сур, в 60 верстах ниже Станнаха на восточном берегу Лены. Здесь жительствоует тоже с ноября до половины марта такое же количество тунгусов.

4. Тас-ары, пустой стан на восточном берегу Лены, в 60 верстах ниже Кумах-сура.

5. Быковский мыс. Быковские жители обитают в трёх пунктах: на островах Зиновия и Тора-джангы и на материке. Всех жителей считается здесь до 200 человек обоого пола.

6. В 70 верстах на запад от Быкова лежит остров Чолбогой, где для приезжающих устроен стан, а в 100 верстах от Чолбогой в том же направлении устроен другой стан на острове.

7. Барча.

8. На запад от Барчи в 120 верстах лежат острова Булун и Басыгас, на первом есть часовня. Жителей на обоих островах считается до 100 человек обоего пола.

9. В 100 верстах на запад от них лежит остров Йоннах, в котором устроен стан и больше ничего.

10. В 60 верстах в том же направлении лежит остров Белькой. На нём есть часовня и до 130 жителей (якутов).

11. От Белькой до западной оконечности Ленских вод, или до мыса Крестова, 40 вёрст. Здесь устроен стан и более ничего.

От Быкова до Крестова мыса как около мыса, так и по южной стороне островов, вода пресная, а от Крестова до устья Оленёка горько-солёная.

12. Проехав вёрст 20 на запад от Крестова по Ледовитому морю вдоль берега, вступают на материк и через 10 вёрст спускаются в реку Оленёк в 30 верстах выше одноимённой деревни, лежащей на правом берегу реки. Здесь есть часовня, жителей считается в 10 юртах до 200 человек. Весь путь по вышеозначенным пунктам совершается на собаках в нартах.

С Булуна на Анабару по краю леса ездят по следующим пунктам.

1. Сперва вниз по Лене до устья Аякита 25 вёрст.

2. Отсюда сворачивают с Лены на запад; переехав через хребет, ночуют в урочище Бырдахтах в 40 верстах, где временно жительствоуют в одной юрте 2-3 семейства тунгусов.

3. Отсюда следуют в том же направлении через горы и достигают вершина Аякита (Аякит-Баса), которая отстоит от предыдущего урочища на 70 вёрст. Здесь в трёх юртах жительствоуют до 30 тунгусов.

4. Булункан, отстоящий от вершины Аякита в том же направлении в 40 верстах. Здесь в двух юртах до 15 человек.

5. Толобка — речка, впадающая в Оленёк. Около устья её временно жительствоуют до четырёх семейств тунгусов численностью в 50 человек обоего пола. Отстоит от вышеописанного на 50 вёрст.

6. Урочище Нос, при речке того же имени. От Толобка в 100 верстах. Здесь временно проживают более 100 человек обоего пола.

7. Когалан, от Носа в 25 верстах. Здесь в одной юрте помещаются до 30 якутов.

8. Нунданкири, от Когалана в 50 верстах. В двух юртах помещаются до 20 якутов.

9. Кулады, в 40 верстах на запад от Нунданкири. В двух юртах 4 семьи.

10. Арыны-Огорбут, от Кулады в 40 верстах. В трёх юртах помещаются до 40 человек.

11. Эльгья, в 60 верстах на

запад от Арыны-Огорбут. Временно жительствоуют здесь до 50 человек.

12. Дженей, в 50 верстах от Эльгам. Здесь 4 семейства якутов.

13. Лайбы, в 50 верстах от Жоссея. В трёх юртах до 27 человек. Здесь последние воды, текущие в Оленёк.

14. Унджа, речка, впадающая в Анабару. В одной юрте три семейства. От Лайбы до неё 50 вёрст.

15. Билир, при речке того же имени, в 60 верстах. Жителей до 25 якутов.

16. Чимара, при речке того же имени, в 35 верстах от Биляра. Жительствоуют здесь временно до 5 семейств.

17. Мас-эла, в 30 верстах от Чимары. Жителей 30 человек.

18. Тюгах, в 80 верстах ниже Мас-эла. Временно живут до 30 якутов.

19. Гаврига, на реке Анабаре, в 40 верстах от Тюгаха. В одной юрте 5 семейств.

20. Дороха, вниз по Анабаре в 40 верстах. Здесь в трёх юртах до 70 человек.

21. Ариан, в 40 верстах ниже Дорохи. Жителей до 50 человек. Это последнее селение Якутской области. Далее вниз по Анабаре в 5-6 пунктах живут крестьяне Туруханского ведомства. Весь путь от Булуна до Анабары через вышеозначенные пункты совершается в нартах на оленях.

Одежду всех туземцев здешнего края составляет оленья кожа в разных видах. Мужчины и женщины, старики и дети летом носят ровдужный²⁶ короткий сарафан, покроем похожий на сюртук, а вместе рубахи — такую же занавеску, которая начинается от шеи в виде нагрудника и ниспадает до колен. У девиц и молодых женщин этот наряд сверху и по подолу украшается серебряными и оловянными блёстками и голубым или белым бисером. Те же украшения бывают под коленами и на подоле. Все без исключения носят брюки особого покроя. Праздничный наряд богатых жён составляют меховые песцовые шубы и кафтаны из красного сукна, на голове шёлковый платок, на шее и руках серебряные обручи, в ушах необыкновенно большие серебряные серьги. Вместо кушака по большей части употребляют серебряный пояс. Зимний убор состоит также из оленьих кож, из коих заменяющие нижнюю одежду надеваются шерстью к телу, а верхние — всегда на внешнюю сторону. Вместо чулок употребляются по длине ног унты из оленьих кож шерстью к телу, на них надеваются торбасы из оленьих камысов шерстью на внешнюю сторону.

Особых церемоний при родинах и поминках не бывает. Для первого случая убивают оленя

²⁶ Сшитый из ровдуги — из оленьей или лосиной кожи, выделанной в замшу.

и угощают соседей. К колыбели малютки мужского рода привешивают нож, огниво, лук, кремль и трут. Эти вещи являются символами ратного человека. Свёкор во время родов не может быть в одной юрте со своей невесткой-родильницей; он или она должны уйти в другую юрту, и очень нередко случается, что родильницу во время самых мук выводят в холодную ровдужную уросу, и она, разрешившись уже от бремени, лежит там до 5-6 дней. Говорят, что во время родов родильница лежит на полу нагая, и на неё без стыда смотрят мужчины, собирающиеся нарочно для этого зрелища. Есть и другие обычаи, оскорбительные для совести и благопристойности пола. Муж, если он охотник, после родов жены своей до 40 дней не вносит в юрту ту одежду, в которой он ходит на охоту.

На поминках также убивают оленя и мясом этого животного угощают всех присутствующих в печальной процессии. На годовщинах не бывает этой роскоши; родственники только зажигают перед иконами свечи и молятся Богу об упокоении души усопшего. В доме, где умер человек, более уже не живут, опасаясь дьявольского наваждения.

Сватовство производится через посредствующее лицо. Отец невесты делает условие о калыме, а отец жениха или уполномоченный от них договариваются о платье и одежде для невесты от тестя. Калым в здешних краях бывает двух видов: денежный

и оленьий. Величина денежного калыма достигает иногда до 100 рублей серебром, а оленного — до 50 голов. Впрочем, условия калыма выдвигаются уже после согласия невесты выйти за предлагаемого ей жениха. При получении согласия зажигают перед иконой свечи, и оба свата молятся Богу и бьют по рукам. На руке свата с жениховой стороны лежат пушные звери: лисицы или песцы, которые поступают к отцу невесты. По совершении брака жених с отцом проживают у тестя до трёх дней. По прибытии невесты в дом свёкра в юрту входят два свата и кладут в огонь кусок масла или жира, задабривая сей жертвой живущего в огне злого духа.

Празднеств, кроме обыкновенных церковных, не бывает никаких. В Пасху, Егорьев и Николин день и другие известные туземцам праздники домохозяева возжигают перед иконами свечи и молятся Богу; в этом заключается всё их празднование. Об этих праздниках тунгусы и якуты заблаговременно узнают от русских и отмечают оные в бирках — небольших деревянных четырёхугольных брусках.

Как природа в северных странах дика и угрюма, так и сам народ не слишком склонен к забавам и вовсе не изобретателен на увеселения. У тунгусов бывают в зимнюю пору пляски, они совершаются так: при лунном свете собираются на снегу в хоровод холостяки, девицы и молодые женщины. Встав в круг, берут

друг друга за руки и, стоя на одном месте, начинают прыгать, припевая монотонно: яхерь, яхерь... Молодые и старики имеют сильную страсть к горячительным напиткам и картежной игре.

Знаки вежливости все азиатцы выражают подарками. Хозяин дома считает своей обязанностью почётного гостя одарить какой-нибудь вещью, разумеется, и гость, в свою очередь, не должен принять презента даром, а также обязан почтить чем-нибудь хозяина. Случается, что расчёты о таких вежливостях доходят до судебной расправы.

Рукоприкладство²⁷ должностных лиц, как то: голов, старост и старшин, заменяется приложением их печатей, но рядовые для рукоприкладства берут конец пера и говорят, как клятву, в чём они рукоприкладствуют.

Для измерения объёмов во всём улусе нет никакой меры. Вес измеряется купцами на безменах, и не без греха употребляются они при покупке мамонтовых клыков. На самом большом безмене можно взвесить предмет до трёх пудов, меж тем клыки иногда тянут за шесть пудов. Но очень редко случается, когда вес кости превышает количество пудов, означенных на безмене.

Расстояние от одного места до другого определяется не вёрстами, а сутками. Обычно говорят: от такого-то до такого-то места столько-то дней пути. Для обо-

значения же дневного пути употребляют слова: атыр кюннюк, то есть огромный дневной путь. Для обозначения расстояния менее дня пути употребляется слово: турах, то есть остановка. Говорят, например: от Булуна до устья Аякита на хороших оленях и собаках одна остановка или роздых, а на худых и в три дня не доедешь. Выражение это взято с того, что собакам и оленям через каждые десять вёрст делают остановку и дают отдых минут на 15.

Мужчины и женщины проводят время более в праздности и рукоделием занимаются очень мало. Первые делают нарты для оленей и собак, вяжут сети и невода; вторые выделывают оленьи кожи, шьют из них одежду и обувь для домашнего обихода. Более, кажется, не занимаются никаким ремеслом.

По части астрономии познания туземцев весьма ограничены. Им известны только Медведица, Плеяды и немногие другие созвездия. Зато удивительно, как правильно определяют они стороны света. Увидев две-три звёздочки, они считают себя спасёнными от свирепых волн океана и тотчас же в своих лёгких вежках направляются к островам или материку.

Счисление времени они ведут по изменениям луны. Месяцы называют по важнейшим естественным событиям, случаемся в их краях.

27 Здесь в значении: подтверждение какого-либо документа.

Главный начальник сего улуса есть Верхоянский окружной исправник, в ведении которого состоят ещё три улуса. Собственно улусное начальство заключается в инородной управе, члены которой суть: голова, двое выборных и письмоводитель. Управе подчинены наследи или родовые управления, начальствующие лица коих именуются: староста и двое старшин. Сии последние разбирают возникающие между их подчинёнными споры и в делах небольшой важности делают расправу. Недовольные их решением переносят жалобу свою в инородческую управу, а если и она не удовлетворит, то подают форменный иск в окружное управление.

По инородческим уставам полагается за украденную вещь взыскивать вчетверо; по этому положению за одного оленя взыскивается 4, за одного зверя, похищенного из пасти, также четыре. Четверичное умножение основано на количестве ног животного. Здешние инородцы закон этот исполняют гораздо замысловатее: замеченного в первый раз в таком преступлении увещевают при мирском собрании, возвращают владельцу украденную вещь и тем дело кончают. По второму преступлению с него взыскивают вдвое, а ещё за две части наказывают розгами, по 50 ударов за каждую часть. При третьей такой же провинности с виновного взы-

скивают все четыре части и наказывают розгами до четырёх обмороков. Польза, однако же, от этих мер не всегда несомненна.

Уплата ясака, по уложению ясачной комиссии, назначена песцами, но почему-то туземцами ясак вносится деньгами, хотя они могли бы иметь для себя больше выгод в первом случае: в казну песок принимается за 1 рубль 15 копеек серебром, а при обычной продаже в лучшие годы он уходит от туземцев за 70 копеек. По свидетельству якутов и тунгусов, государственных податей собирается в год с каждой души до 2 рублей 30 копеек серебром, сверх того раскладки на душу падает ежегодно до 2 рублей 85 копеек серебром.

Музыки во всём крае нет никакой. Сказок много, и все инородцы большие до них охотники, но они состоят из чистой фантазии и не заключают в себе ни исторических фактов, ни преданий. Песни составляются каждым лицом по велению его сердца. Голодный поёт о жирном обеде своего тойона, бедняк фантазирует о бесчисленных стадах оленей, о богатых пушных промыслах; другой, довольный всем, пожалуй, поёт про ясные очи души-девицы. Какой бы ни был предмет песни — весёлый или печальный, мотив оной всегда один — унылый и монотонный, так что, скорее всего, такие звуки можно считать звуками скорби и слёз, чем песней.

Главные предметы, составляющие промышленность края,

суть следующие: мамонтовы клыки, шкуры песцов и лисиц, а также рыба, дикие олени и прилётные птицы. Мамонтову кость туземцы находят на материке и на морских островах, куда купцы отправляют партии людей на летовку. Острова, изобилующие останками этих допотопных животных, суть: Фаддеевский, Котельный, Новая Сибирь, Ковришка, Малый и Столбовой. Партии для отправки на острова снаряжаются с Быкова обыкновенно около 10 или 20 мая. В удачные годы каждый промышленник находит кости 50—60 пудов. Для туземцев островной промысел не приносит никакой пользы, потому что партии для поисков снаряжаются купцами, и приобретения принадлежат им же. Туземцы могли бы извлекать для себя пользу от вывозки этого груза с островов на материк, но и тут купеческая изворотливость не обогащает простаков-обывателей.

С Быкова мыса до Котельного и Фаддеевского островов туда и обратно едва можно совершить путь за 40 дней. За этот вояж купцы платят с пуда по 4 рубля. В такой трудный и дальний путь нельзя положить на нарту более 20 пудов чистого веса; значит, за собачью нарту купцы платят 30 рублей ассигнациями. Если подсчитать все путевые издержки, то окажется, что одни корм для собак стоит гораздо больше. Одна полная упряжка состоит из 14 собак. Каждой дают в сутки полтора муксуна, за 40 дней таковых выйдет 340, а каждый

муксун на Быковом оценивается в 3 копейки серебром. Прокорм одних собак будет стоить 25 рублей 20 копеек серебром. К этому надобно прибавить на питание рабочим 60 муксунов, которые будут стоить 1 рубль 80 копеек серебром. В итоге — 27 рублей. Причем надо прибавить приобретение нарт, сбруи для собак и оценить египетские труды вояжных.

Во всё время путеследования своего на острова и обратно они ночуют на льду. Каждый вечер, а иногда и днём должны вайдать нарты (мочить тёплой водой полозя), а для этого снимать весь груз и потом укладывать на своё место. Надобно присоединить и трудности путешествия по громадным торосам, и северную холодную пургу, которая до того сильна, что может разорвать на части ледяную поверхность моря и унести путников к полюсной точке. Подобным злключениям чуть не подверглась экспедиция Врангеля. Вообще можно сказать, что путешествие по Ледовитому морю ничем не безопаснее африканских пустынь, а северные пурги едва ли не страшнее сахарских ураганов.

Другой довольно значительный род промышленности составляет ловля песцов и лисиц. Тех и других обыкновенно промышляют пастями²⁸ самого простого устройства. Я расспрашивал туземцев на месте, сколько песцов в течение зимы можно приобрести из 100 пастей, и все уверяют, что и в худой год на

каждую пасть причитается по одному песцу. Отчего же, спросил я, жалуетесь вы на скудость звериных промыслов, когда многие из вас имеют до 700 пастей? Вопрос объяснился тем, что песцы действительно попадают в пасти в большом количестве, но так как они осматриваются хозяином нечасто, а волки и песцы навещают их каждодневно, то они добычей и пользуются. Промышленник считает себя счастливым, если досужие его сотрудники из 30 песцов оставят ему 7-8 штук. Уверяют, что иногда из 50 штук не приводится получить ни одной.

Таким образом, тысячи песцов истребляются ежегодно без всякой пользы, и виновны в том не волки и не песцы, а сами промышленники, потому что пастей заводят много, а хороших не имеют ни одной. Промышленники, конечно, скажут, что для заведения хороших ловушек в диких и безлесных тундрах им неоткуда взять леса. Это совершенная правда, и оспаривать её никто не станет. Но надобно согласиться: если в тундрах нет леса, то им нужно дорожить, то есть надобно употреблять с пользой так, чтобы ни одно деревце не пропало даром, а приносило бы пользу. Я хочу сказать о том, что при трудности приобретать лес нужно иметь в виду то, чтобы промышленники заботились не о количестве ловушек, а о качестве и крепости оных. При таком

распоряжении, кроме частной пользы каждого промышленника, соблюдается и частная, и общая экономия, то есть, во-первых: для осматривания ловушек потребуется меньше времени и трудов; во-вторых: песцы и лисы не будут истребляться зверьями, отчего промыслы никогда не могут быть скудными. Якуты и тунгусы, живущие в лесах, могли бы с большим удобством промышленлять песцов и чёрных лис луками, но они не знакомы с этим искусством и сами от себя лишаются подручного им богатства.

По части сельского хозяйства здесь нет почти никакого особенного занятия. Земледелием и огородничеством, по причине краткости лета и суровости климата, не занимаются нисколько, а о садоводстве и думать нечего. Скотоводство заключается в северных оленях. На них туземцы ездят осматривать звериные ловушки и рыболовные сети, а также употребляют для перевозки небольших тяжестей и совершают работы по дому. Богачи имеют 100—200 оленей. Скот этот мог бы обогатить или, по крайней мере, составить наилучшую часть промышленности в сельском хозяйстве по своему плодородию, если бы можно было изобрести какое-нибудь средство в защиту их от волков, которые бродят здесь большими стадами и истребляют во множестве домашних оленей. В приморских местах собака заменяет

всякое скотоводство и составляет единственное домашнее животное. О лошадях, коровах, овцах и других животных здесь не имеют и понятия. В Жиганске летом держат до 10 коров, переплавляя оных из Якутского округа весной по воде, а к осени убивают их. В южной части сего улуса во многих местах по островам Лены встречаются тучные пажити, но, по уверению жителей, рогатый и конный скот не может зимовать у них.

Рыбной ловлей занимается весь улус. Она производится во всякое время года и почти во всех местах улуса. Но преимущественный улов рыбы бывает с июля по октябрь. Способы промышленности неодинаковы, а именно: на местах чистых и песчаных ловят неводом, в заливах ставят сети, в глубоких местах бросают перемёты, наживляя крюки живой рыбой или червяками. Рыбные продукты не составляют предмета в торговле, а приобретаются домохозяевами для собственного продовольствия.

Заводов и фабрик во всём улусе нет никаких.

Торговля для туземцев не только не приносит никакой пользы, даже в некотором отношении она наносит им немало вреда. Все торговцы выставляют высокие цены на свои товары, а от туземцев берут предметы их промышленности по весьма незначительной цене, отчего обы-

ватели вынуждены брать у них в долг и, не имея возможности в срок уплатить его, делаются всегдашними рабами своих заимодавцев. Уплачивая купцам долги прошедшие, в то же время берут от них разные продукты в кредит до будущего года, вполне и беспрекословно за ту цену, которую назначает заимодавец.

Предметами торговли являются: байховый и кирпичный чай, сахар-леденец и белый, даба²⁹ и разные мануфактурные произведения, также пенька и конский волос, отчасти хлеб и соль.

Особых торговых пунктов, ярмарок и торжков нет, потому что торговцы со своими товарами там разъезжают по жилищам и кочевьям обывателей и таким образом сбывают им товары.

5

Во всём Жиганском улусе нет ни одного грамотного человека из туземцев, и потому можно бы предполагать, что они нисколько не вошли ещё в сферу даже низшей образованности. Однако же чистота нравов, чистая христианская любовь к ближнему и беспредельная вера в Святое Провидение едва ли достигают в некотором отношении такого совершенства в нациях образованных, какое можно найти между здешними инородцами. Правда, по неимению на их языке грамоты они не знают молитв и слабое имеют понятие о догматах

29 Китайская бумажная ткань.

православной веры, зато в них преобладает во всём вера. Нельзя сказать, чтобы они были совершенно свободны от тех суеверий и предрассудков, кои вместе с бытием своим наследовали от своих предков-язычников. Кое-где встречаются ещё донные остатки древнего шаманства, но шаманы эти в настоящую пору не составляют особого сословия. Они между своими сородичами пользуются тем почётом, в каком находятся у русских колдуны. А потому на них смотрят все с омерзением и считают такими грешниками, которых не должно принимать и в церковь. Вообще можно сказать, что со времени проповеди Евангельской в здешнем крае мир Божий существует в весях и домах. От мала и до велика все имеют безусловную преданность и уважение к свя-

щенникам и всем духовным лицам и не называют их иначе, как человек Божий. Весь улус просвещён светом Евангелия после 1800 года. Но в это короткое время набожность туземцев достигла такой степени совершенства, которая достойна подражания и нациям образованным.

Жители Жиганского улуса, прежде частью язычники, а частью потомки язычников, с 1800 года исповедуют веру православную — греко-российскую. В улусе находится одна деревянная церковь и несколько таковых же часовен. В настоящее время два священника и такое же число причётников управляют в духовном отношении целым улусом, один раз в год посещая своих прихожан для исправления у них всех мирских христианских потребностей.

(Продолжение следует)